МОНИТОРИНГ актуального фольклора

«ГРУППЫ СМЕРТИ»: ОТ ИГРЫ К МОРАЛЬНОЙ ПАНИКЕ

Москва
2017

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Институт общественных наук
Школа актуальных гуманитарных исследований
Лаборатория теоретической фольклористики

Исследовательская группа
«Мониторинг актуального фольклора»

«ГРУППЫ СМЕРТИ»: ОТ ИГРЫ К МОРАЛЬНОЙ ПАНИКЕ

Александра Архипова, Мария Волкова, Анна Кирзюк, Елена Малая, Дарья Радченко, Елена Югай

Москва
2017

ВСТУПЛЕНИЕ

Вообще-то, мы в классе об этом не говорим. Потому что многие боятся. Ну, нервные они очень. Игра полностью называется «Синий кит. Тихий дом. Разбуди меня в 4.20». Про кита понятно – это про самоубийство. Хотя почему именно синий – не знаю. Я давно еще читала, что киты разные выкидываются, это от вида не зависит. Тихий дом – тоже ясно: смерть, тишина. Но не в девять же лет! Дураков нет, ты же многого еще на свете не видел.

Эти слова принадлежат девятилетней девочке, рассказывающей об игре «Синий кит» в марте 2017 года. Такие представления начали массово распространяться после 16 мая 2016 года, когда в «Новой газете» появилась публикация Галины Мурсалиевой «Группы смерти» (название статьи очень скоро стало обозначать все паблики, предположительно связанные с суицидальной тематикой) об опасных группах в Вконтакте, которыми, по версии журналистов, руководили некие «профессионалы», целенаправленно доводящие подростков до самоубийства с помощью смертельной «игры»:

Дети пошли за взрослыми и приняли болотные огоньки за свет, сбились с пути. Они на этих свалках дышат. А потом – уходят из жизни. Свалка эта – огромное сообщество многочисленных групп в социальной сети «ВКонтакте», как закрытых, так и открытых, подталкивающих детей к суициду.

Речь идет о национальной безопасности России, наших детей убивают![1]

В статье Мурсалиевой речь идет о «суицидальном паблике f57» (основатель – Филипп «Лис» Будейкин). Эта группа использовала тематику более ранних сообществ, объединенных темами суицида и депрессии – «Suicide 18+», «Белый кит», «НекресПсихес» (администратор – Мирон Сетх, настоящее имя неизвестно) и «Море китов» (создатель – Филипп Челов, он же «Море китов»). Из названия последнего предположительно и произошло словосочетание «синий кит», ставшее устойчивым обозначением для «групп смерти» (между тем создатели «Моря китов» утверждают, что сообщество имело своей целью отговорить потенциальных самоубийц от суицида).

«Игра», по мнению Мурсалиевой и более поздних интерпретаторов, заключается в том, что подросток вступает в особую группу Вконтакте, после чего некие «кураторы» начинают присылать ему задания (от разгадывания ребусов[2] до предложений нанести себе увечья). В качестве последнего задания игроку предлагается покончить жизнь самоубийством. Этой цели «кураторы» добиваются целенаправленно отчасти благодаря использованию особых приемов влияния на сознание подростка, а отчасти – при помощи шантажа и угроз. Публикация спровоцировала бурное обсуждение и моральную панику, которая в итоге свелась к вопросу, как ограничить детям пользование Интернетом.

Задачи нашего исследования

Публикация Мурсалиевой и подобные ей журналистские расследования пытаются выявить «сетевых убийц», которые подстрекают детей к самоубийствам, используя разные «психологические техники». Бурная реакция на публикацию «Новой газеты» выразилась как в обвинении автора в паранойе и любви к теориям заговора, так и в активном поиске группы анонимных убийц в сети.

В связи с этим группой «Мониторинг актуального фольклора» в мае 2016 года запущено антропологическое исследование «групп смерти». Это исследование включало в себя два основных направления:

- Исследование методом включенного наблюдения практик, которые возникали в т.н. «группах смерти» с мая 2016 по февраль 2017 гг.
- Изучение «моральной паники» – способов конструирования образа «групп смерти» в вернакулярном («обыденном») и медийном дискурсах, а также механизмов возникновения и распространения панических слухов.

ГЛАВА I. «ГРУППЫ СМЕРТИ» ДО 16 МАЯ 2016 ГОДА

Особое внимание и в статье Галины Мурсалиевой, и в других расследованиях, уделено «техникам», с помощью которых «кураторы» пытаются довести до самоубийства подростка: бурное обсуждение самоубийств и почитание совершивших самоубийств, просмотр видео, разгадывание «зомбирующих» ребусов, выполнение странных заданий. Формально говоря, такие явления действительно были в обсуждаемых группах. Однако вопрос заключается в том, была ли у них та функция, которую им приписала журналист «Новой газеты» – довести до самоубийства? И встречаются ли подобные практики за пределами данных групп?

Интернет-игры, связанные с поиском скрытых смыслов. В статье Мурсалиевой говорилось, что кураторы «групп смерти» в качестве заданий предлагали детям разгадывать

шифры. Такая практика действительно существует, причем возникла она задолго до обсуждаемых «групп смерти». Она характерна для «нетсталкинга» – Интернет-движения, которое существует по крайней мере последние 10 лет и занимается поисками скрытых смыслов, зашифрованных в различных Интернет-текстах (от фотографий облаков до строчек цифрового кода). Их разгадывание основано на представлениях о том, что в глубинах Интернета есть скрытый уровень, который необходимо отыскать, следуя логике дешифровок (легенда о «тихом доме»). В 2015 году название «Тихий дом» начинает эксплуатировать один из пабликов с «суицидальной» тематикой.

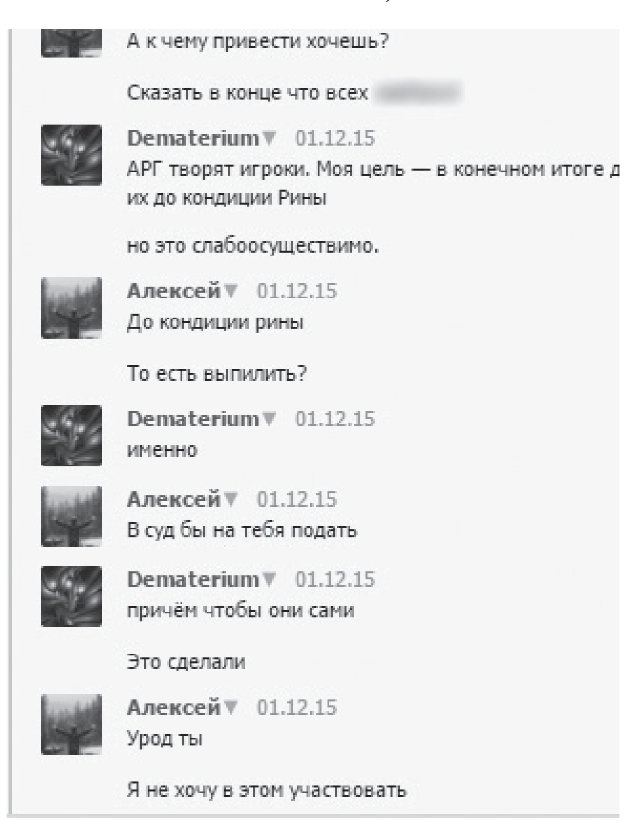
Другой пример – это упоминаемая автором «карта самоубийств». Проведя анализ географии и хронологии подростковых самоубийств, Мурсалиева приходит к выводу о существовании некоторой «карты самоубийств», которая, по ее мнению, указывает на запланированный характер суицидов. Логика таких географических загадок похожа на другую легенду, появившуюся в 2012 году и рассказывающую о группе Cicada 3301. Согласно этой легенде, некая тайная организация предлагает желающим разгадывать сложные криптографические загадки, чтобы обнаружить «самых умных людей на свете». Загадки очень похожи на те, что приводятся и в историях о «группах смерти»: найти шифр в файле jpeg, расшифровать полученное сообщение с помощью «шифра Цезаря», после этого получить ссылку onion (в сети Tor) на картинку, которую надо вновь расшифровать. Если игрок разгадает все загадки, он получит карту, но только не самоубийств, а координат некоего места с новыми загадками, а могущественная тайная организация зачислит «самых умных» в свои ряды. Замысел «кураторов» из «самоубийственных» пабликов построен ровно так же, как и инструкции к квестуCicada 3301.

Описанная выше ситуация представляет собой типичную механику игр ARG («alternate reality game» – «игра в альтернативной реальности»), основанных на том, что игрок никогда до конца не понимает, играет он или занимается настоящим исследованием. Выдача странных заданий подопечному, о которых пишут журналисты (включая и просмотры видео в странное время), тоже представляют собой свидетельство популярности ARG.

Эстетизация смерти и культ самоубийц-подростков. В сообществах, о которых говорит Мурсалиева (и еще в сотнях других) на момент мая 2016 года действительно много говорили о самоубийствах – в них развивался культ подросткового суицида. Речь идет о почитании 17-летней Ренаты Камболиной (известной как Рина Паленкова) из города Уссурийска, которая бросилась под поезд 23 ноября 2015 года. Накануне она сделала селфи на фоне товарного поезда и поместила его на своей странице в социальной сети с хэштегом#няпока.

В тот же день фотографии обезглавленного тела попали в Интернет (по словам матери Ренаты, их выложил следователь, тем самым нарушив принцип профессиональной этики), после чего стали активно распространяться в сети. Предсмертное селфи Рины набрало 400 тысяч лайков. Некоторые из существовавших в декабре 2015 года «депрессивных» пабликов начинают использовать ее популярность как ресурс для повышения собственного статуса. Так, и Филипп Лис, и Море китов утверждают, что Рина покончила с собой в рамках суицидального квеста в одном из их пабликов. Возможно, именно из этого стремления «подняться» на волне популярности Рины и появилась сама идея того, что человека можно довести до суицида через «игру». Эта идея получила еще большее распространение после того, как пользователи, состоящие в антисуицидальных группах, приняли ее на веру. Одновременно с этим хэштег #няпока становится обязательной частью заявки на вступление в «суицидальный паблик», а сама Рина – иконой своеобразного фэндома.

Илл. 1. **Скриншот переписки одного из администраторов суицидального паблика, в котором фигурирует «доведение до кондиции Рины» (беседу пользователя «Двача» с Dematerium Neogen опубликовала Лента.ру 17 мая 2016 г.)**[3]

Популярность «суицидальных пабликов» и культ Рины начинают подпитывать друг друга. Появляются устойчивые легенды о том, что

девушка не погибла. Интернет-пользователи начинают проводить «расследования», доказывающие, что Рина или выжила, или воскресла после реальной смерти (легенды о выжившем культовом персонаже довольно характерны для фольклора: можно вспомнить легенды о тайном вывозе царской семьи из подвала Ипатьевского дома, «уходе» Александра I, спасении Гитлера, Фанни Каплан, Элвиса Пресли и других фигур).

Возникновение культа вокруг подростковых самоубийств – довольно типичный процесс. Так, в 2005 году самоубийство подростка в заброшенной больнице в Ховрино (Москва) привело к возникновению мемориала в этом культовом здании. В октябре 2015 года, попрощавшись Вконтакте с друзьями, две школьницы спрыгнули с с заброшенного элеватора в Тамбове. После этого возникает культ погибших девочек, состоящий из множества представлений и практик, связанных со зданием: начиная от коммеморативных записей на страницах Вконтакте и специальных походов подростков в «страшное место» до демонстрации его в передаче «Битва экстрасенсов» на центральном телевидении. В ноябре 2016 года аналогичный процесс запустило двойное самоубийство подростков в Псковской области (т.н. «псковские Бонни и Клайд»).

Подобные культы сочетают элементы коммеморации и ритуализированный опыт переживания «страшного» – посещения места гибели или могилы самоубийц, соприкосновение с их вещами – как в «реальном», так и в виртуальном пространстве. Иными словами, коммеморация приобретает перформативную составляющую – память о погибшем включает проживание какой-то части его страшного опыта. Множество подростковых пабликов построено именно на такой перформативной коммеморации самоубийцы.

Заключение. Действия, с точки зрения Мурсалиевой совершаемые «кураторами» специально для того, чтобы довести подростков до самоубийства, являются распространенными Интернет-практиками, давно существующими внутри множества подростковых и молодежных сообществ. Одни из них характерны для нетсталкинга и «alternative reality games» (подробнее об этом см. Главу II); другие связаны с традицией эстетизации самоубийства, особенно свойственной подросткам. Функция таких практик – не довести до самоубийства, а испытать психологическое напряжение, почувствовать себя «избранным», пройдя сложный квест, или совершить коммеморацию, частично приобщившись к «страшному опыту». Рассказ Мурсалиевой стал результатом некорректной интерпретации таких легенд и основанных на них практик.

ГЛАВА II. ИССЛЕДОВАНИЕ «ГРУПП СМЕРТИ» ИЗНУТРИ

Сразу после публикации статьи в «Новой газете» один из исследователей группы МАФ (в данной аналитической записке он будет фигурировать под именем О.Г.) вступил в большинство доступных на тот момент «групп смерти» Вконтакте и проводил наблюдение за тем, что происходило внутри них. Речь идет о таких известных пабликах, как, например, «F57»,«F58», «Тихий дом», «Мертвые души F57» и другие. Всего их было около 50, при этом стоить помнить, что такие паблики постоянно блокировались Роскомнадзором, а на смену им приходили новые, аналогичные прежним.

Этические правила, применявшиеся при исследовании «групп смерти». В данном исследовании наш исследователь наблюдал жизнь «групп изнутри», но при этом на прямой вопрос, если он задавался, отвечал «я антрополог». Кроме того, не считая возможным вводить в заблуждение других участников групп, наш исследователь не имитировал выполнение заданий помимо тех, которые необходимы для вступления в группу: например, размещал хэштег #явигре на странице паблика или свою фотографию с ключевым слово или названием группы (т.н. «сигна», см. *Илл. 2*). По этическим соображениям все имена изменены или скрыты.

Илл. 2. **Задание при вступлении в группу**

Как происходило «внедрение». «Группы смерти» могут открытыми и закрытыми, а условия, на основании которых которых включают в такие группы, отличаются. В сообществе «Мертвые души» исследователя добавили в коллективный чат, когда он оставил «+» (т.е. «плюс один человек») под одним из постов и лайкнул все остальные. В группе «F58» его включили в чат после того, как он опубликовал свою фотогра-

фию с написанным на бумаге названием группы. В группу «Мертвые души F57» исследователя включили 20 мая 2016 года после письма администратору и получения номера и даты (*Илл. 3*). Исследователя также добавили в коллективный чат группы и позволили созвониться с администратором по Skype в режиме аудиосвязи.

Илл. 3. **Выдача номера исследователю МАФ**

19 мая 2016

[redacted] 19:49
Дадите ли вы мне номер?

Мертвые души F57 20:42
Добрый(ое) утро/день/вечер/ночь.
Вас приветствуют Мертвые души.
Ваш номер 060
Дата познания бытия 1.6.16

Вы в праве Сами выбирать Вашу судьбу.
Мы Вас любим.

Состав участников групп и тематика. Как правило, участниками «групп смерти» являлись школьники и студенты, чаще – в возрасте 12-19 лет. Помимо основной тематики групп, они активно обсуждали школьные проблемы, обменивались анекдотами, мемами, видеороликами юмористического или порнографического характера, а также т.н. «шок-контентом».

Обсуждение самоубийств в «группах смерти». СМИ многократно распространяли информацию о том, что в «группах смерти» раздают номера в очереди на самоубийство, а также дату, когда его необходимо совершить. Наш исследователь тоже получил номер и дату (в одном случае – «1 июня 2016 года»), правда, всего в трех группах из полсотни обследованных.

Кроме того, в одной из групп О.Г. на вопрос «зачем нужны номера?» получил комментарий администратора, который значительно снижает уровень серьезности этой практики. 19 мая 2016 года, администратор группы «Мертвые души F57”», оказавшийся молодой девушкой, сообщила, что, несмотря на выдачу номеров, она не настаивает на осуществлении суицида, т.к. главная цель паблика, по ее словам – совместное общение и возможность поделиться своими проблемами:

Многие пишут нам сообщения мол «я участвую в игре», но в принципе это толком не игра. Каждый человек решает на это, просто… Вот реально, чтобы пообщаться. Они общаются между собой, у них общие интересы, находятся даже может быть общие проблемы. И они решают там… Общаться или не общаться, сбрасываться или не сбрасываться (то есть «совершить самоубийство»). […] *Дня два назад, у нас была очень хорошая беседа, где люди общались, помогали друг другу, заполняли определенные анкеты, то есть, там, имя, возраст спрашивался, где проживает, где учится, какие проблемы.*

Впрочем, связь выданного номера и даты с возможным самоубийством она не исключала. Предполагается, что можно покончить с собой в указанный момент, а можно этого не делать (*Есть люди которые, там, соглашаются, берут номер, но в итоге ничего в назначенный день не делают. И это тоже их право, мы никого не заставляем ничего делать)*, главное – продолжать общаться в коллективном чате группы и помогать друг другу:

[То есть, если я не закончу жизнь самоубийством, я не проиграю?] *Это тоже покажет, что твои качества хороши, потому что ты тоже дошла до конца вместе с нами, ты была в группе, ты продолжаешь быть в ней, сидеть и общаться и помогать другим людям. И если ты не покончишь жизнь самоубийством, это не значит, что мы разочаруемся в тебе, как многие пишут: «Что будет, если я этого не сделаю?». Ничего не будет, мы не придем к тебе, не убьем тебя, ничего не напишем, ты можешь продолжать быть с нами и смотреть, что происходит в группе.*

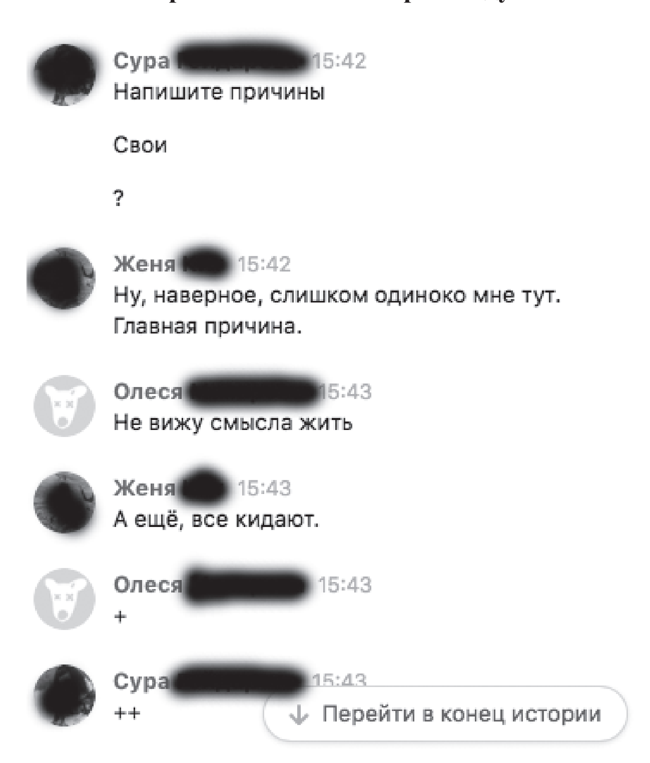
Помощь может заключаться не только в психологической поддержке; если человек уверен в своем решении свести счеты с жизнью, его тоже поддержат в этом:

[А если я попрошу помощи в самоубийстве, вы мне поможете?] *Сначала мы спросим, какова вообще проблема твоя, то есть мы сразу тебе не скажем, мол, да, там, вали на крышу, прыгай с восемнадцатиэтажки, нет. Мы спросим, какая у тебя проблема. И если проблема у тебя будет какая-то, какую мы может тебе помочь решить, мы поможем, мы расскажем, ну не знаю, психологически тебе поможем, не будем давить на тебя. Но если ты скажешь: «Отстаньте от меня, не трогайте меня, просто скажите как умереть» – мы просто поможем, потому что это твой выход и… мы просто помогаем. Все.*

Как мы видим, в мае 2016 года администраторы групп, возможно, под влиянием публикации в «Новой газете» и других СМИ, а также обвинений в доведении до самоубийства, перекладывают ответственность на самого участника, поддерживая режим неопределенности («то ли правда, то ли нет»). Такой режим неопределенности весьма характерен для Интернет-игр ARG, смысл которых заключается как раз в том, чтобы держать участника в напряженном непонимании, являются ли те действия, которые он совершает – игрой.

Диалог, подобный приведённому выше, является типичным вводом в сообщество, организуемое в группе. После него участника приглашают на основную коммуникативную площадку паблика, где иногда, хоть и не так часто, как утверждают СМИ, поднимается тема суицида. Так, 19 мая 2016 года О.Г. добавили в коллективный чат, где 13 подростков 14-15 лет обсуждали между собой проблемы в школе, семье и личной жизни, а также периодически жаловались на суицидальные мысли (*Илл. 4)*. Группу заблокировали 20 мая, но чат продолжал существовать до 9 июня. Заключительная беседа в нем была посвящена рефлексии участников паблика о том, что никто из них не совершил суицид.

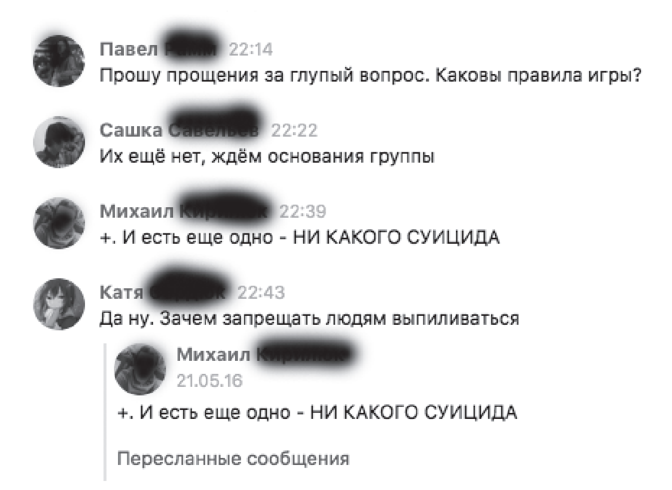
Илл. 4. **Переписка в чате «Мертвые души F57»**

Личное и коллективное общение участников. В группе «F58» общение было построено на другом принципе: оно вращалось вокруг напряженного ожидания игры (которая в итоге так и не началась). Время «до начала игры» заполнялось общением в чате, обсуждением названия группы, Интернет-мемов, нетсталкинга, вопроса истинности этой «группы смерти» и поиска «настоящей» (*Илл. 5*).

Помимо чатов, общение участников проходило и путем личной переписки. О.Г. постоянно писали с вопросами о том, в чем заключается настоящая игра, предложениями совместного расследования происходящего и многочисленными интерпретациями: *Думаю, что оно трансформировалось в секту. Но секта затягивает, а не... люди сами бегут туда.* Помимо «настоящих» участников группы, в ней были и люди «под прикрытием», внедрившиеся в нее ради попытки отговорить самоубийц от рискованных шагов.

Илл. 5. **Переписка в чате «F58»**

Один из таких псевдо-участников написал О.Г. следующее показательное сообщение: *Зачем ты учавствуешь в этой игре? Тебе жить надоело?*

Некоторые участники добавлялись в группу с целью «копания» – т.е. исследования, на самом ли деле паблик склоняет к суициду. Такие «сыщики» не ставили перед собой задачу спасти ее членов, скорее, их интересовал сам процесс расследования.

Оба описанных выше типа участников («сыщики» и «спасатели») активно участвовали в коммуникации с другими членами этой «группы смерти»: оставляли оскорбительные комментарии администраторам, молитвы, призванные остановить «сектантов», и просто отговаривали остальных участвовать в «игре».

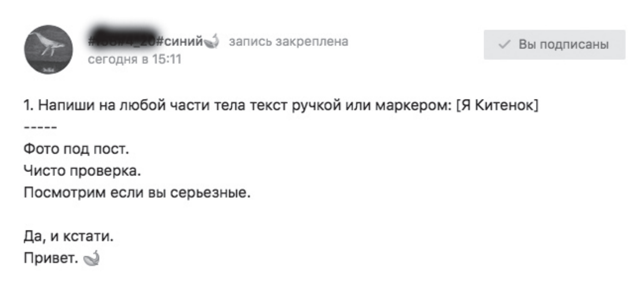
Итак, на момент весны – лета 2016 года в некоторых пабликах обсуждали личные проблемы, в других – просто находились в ожидании игры. Ситуация изменилась в феврале 2017 года.

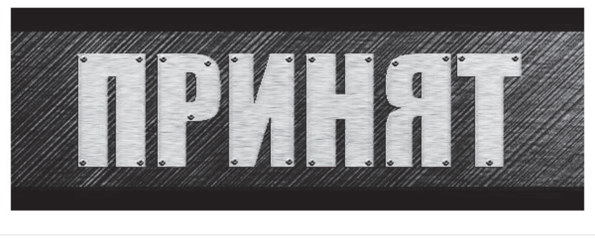
Смена формата игры с мая 2016 до февраля 2017 года. Представление об игре создается и меняется в течение всех 10 месяцев. Весной и летом 2016 года, чтобы войти в игру, необходимо подать заявку на участие (см. пример с О.Г. выше), например, разместив, хэштэги #явигре, #хочу_в_игру, #разбуди_меня_в_4:20 – на стене «суицидального паблика» («Тихий дом», «#f57», «#f58», «Белый кит» и аналогичных им) или на личной странице в социальных сетях (*Илл. 6*).

После этого весной-летом 2016 года с потенциальным участником в личном сообщении связывается куратор игры, он же – администратор группы для присвоения номера и добавления участника в коллективный чат. В мае 2016 года эксплицитных правил, по сути, не было: действия участников сводились к ожиданию наступления присвоенной даты и определенному порядку общения в группе, администраторы же никаких новых заданий не давали. Вся игра заключалась в попытках разгадать, в чем заключается игра.

К середине июня 2016 года после первой волны «моральной паники», вызванной статьей в

Илл. 6. **Вступление в игру в феврале 2017 года**

«Новой газете», все основные группы были закрыты Роскомнадзором, и интерес к происходящему утих. Однако затем случаются еще три волны моральной паники (с ноября 2016 года по февраль 2017 года), последовавших за арестом и медицинском освидетельствовании Филиппа Будейкина, обвиняемого в доведении до самоубийства. В то же время появляются новые группы, и о них вновь стали активно писать СМИ. В сумме за февраль – март 2017 года в оффлайн- и онлайн-СМИ по этой теме было опубликовано 15500 текстов (подробнее см. Главу III).

После активной циркуляции сюжета в СМИ формат участия в «группах смерти» меняется. В конце января 2017 года в пабликах Вконтакте и в СМИ появляются первые сообщения о том, что игра состоит именно из 50 заданий, которые играющий выполняет, отчитываясь по их итогам фотографиями. Популярный среди подростков видео-блогер Николай Соболев (более двух миллионов подписчиков на «Youtube») опубликовал 21 февраля ролик-предупреждение о страшной игре. В его изложении фигурируют порезы, 50 заданий, угрозы «кураторов», прыжки с крыши. Именно в таком виде история о «группах смерти» становится известной в детской и подростковой аудитории.

Идея пятидесяти заданий складывалась постепенно. Галина Мурсалиева пишет не о количестве заданий, а о количестве дней до самоубийства (цитируя одну из предполагаемых организаторов «групп смерти», известную под именем «Евы Рейх»). Первая, по нашим данным, публикация о ежедневных заданиях размещена на новостном портале Владивостока 31 января 2017 г. (после ряда подростковых самоубийств в Приморье)[4]. Самыми известными из этого «списка» являются рисунок кита (на бумаге или руке), вырезание кита или «суицидального» тэга на руке бритвой и прослушивание депрессивной музыки (представления о которой могут сильно отличаться). Пятидесятым заданием оказывается собственно суицид – чаще всего прыжок с крыши. При этом контроль за выполнением заданий со стороны куратора подкрепляется выяснением IP- (а иногда и настоящего) адреса играющего и угрозами убийства его семьи.

После смены формата в феврале 2017 г. коммуникация в игре также изменилась. С февраля стало считаться, что в каждой группе есть один или несколько «кураторов», то есть людей, которые дают лично каждому «игроку» задания, однако никто из участников групп не знал, кто из них куратор, в отличие от предыдущей ситуации, когда существовал администратор, принимающий в игру. Коллективных чатов, посвященных повседневному общению, по нашим наблюдениям, уже не создавалось.

В результате пользователи должны были отметиться в группе, например, написать на стене *#явигре*, или просто добавиться в нее, после чего «куратор» сам должен был выйти на связь. Исследователю написало несколько человек, которые представлялись кураторами, однако они отказывались признаться, к какой из групп они относятся. Так, переписка исследователя с «куратором» 18 февраля выглядела следующим образом:

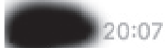
– Здравствуй. Я твой куратор.
– Привет!
– Твое 1 задание вырезать на руке лезвием f57.
– А, из какой ты группы?
– Неважно. Фото не забудь кинуть.

Куратор писал со страницы, созданной за две недели до переписки, на аватаре у него была фотография молодой девушки, однако никакой другой информации на страницы не было: узнать, настоящий ли это аккаунт или подложный, не удалось.

Помимо «кураторов», О.Г. постоянно писали подростки, которые хотели узнать, играет ли он, или получить от него ссылку на куратора, чтобы присоединиться. Некоторые даже принимали О.Г. за куратора, присылали хештег *#явигре* и просили О.Г. включить их в игру. Их возраст удавалось узнать не всегда, однако те, кто отвечал, говорили, что им 14-15 лет. В переписке с пользователем, который сообщил, что ему 14 лет, исследователю удалось выяснить, какими мотивами он руководствовался, пытаясь узнать все задания игры: *нет мне надо дечушку исмукать* [девушку испугать] *и проверить любит она меня. поможеш?*

Таким образом, любой член одной из групп мог написать любому другому, представившись куратором, и потребовать исполнять задания. В том числе, куратор мог сказать, что он знает по IP адресу место жительства игрока и может убить его родных в случае отказа от игры (*Илл. 7*) .

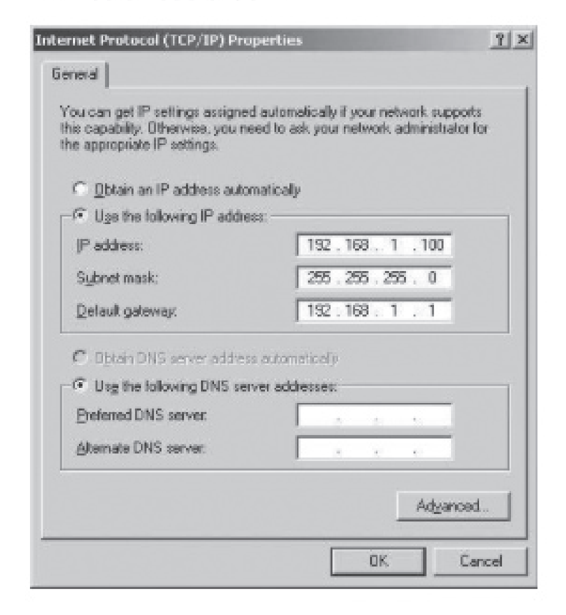
Илл. 7. **Угроза со стороны одного из кураторов**

20:07

у тебя нет больше времени думать.

Мы все о тебе знаем.

Своё первой задание ты получишь сегодня в 2:20

Например, 14 февраля исследователю написала девочка с аккаунта, созданного год назад. На ее странице было около ста фотографий из школы и детские рисунки. Если это не фальсифицированный аккаунт, то можно предположить, что ей 10-12 лет (свой возраст она сообщать отказалась). Однако она представилась куратором и угрожала О.Г. расправой:

– *Привет я куратор, сыграем?*
– *Давай*
– *Ты знаешь правила?*
– *Нет*
– *Сейчас расскажу. Не говорить мне грубости. Не отказываться от заданий. Если окажешься то мы убьем твоих родителей и тебя.* (Здесь и далее орфография источника).

Невыполнение исследователем заданий, тем не менее, не повлекло за собой никаких последствий, кроме (в некоторых случаях) исключения игрока из чата.

Итак, игра, инвариант которой многократно описан СМИ, окончательно кристаллизуется только в феврале-марте – на пике моральной паники. До этого вариативность игровой практики была намного выше, поэтому приходилось постоянно объяснять правила новым участникам, а также были распространены групповые чаты, где обсуждалось, когда игра начнется и в чем будет заключаться. Формализация игры (50 этапов) во время разрастания моральной паники говорит о том, что ее финальный вариант может являться результатом как раз массовых страхов и обсуждений, «вылепливающих» практику из фольклорного поля вокруг нее.

«Сообщество игры» или «одиночная игра». Итак, в мае 2016 года коммуникация вокруг игры в соответствующих пабликах приводила к возникновению своего рода виртуальных[5] «сообществ игры» – групп молодых людей, обсуждающих общие проблемы и темы (включая суицидальные) и обменивающихся мемами и анекдотами. Виртуальное сообщество игры сплотило людей одним только ожиданием действия, о котором, как правило, было известно либо из статей в СМИ, либо из слухов о культовых персонажах, которые «по-настоящему играли в игру».

В феврале – марте 2017 г. «сообщество игры» по сути отсутствует. Вся коммуникация происходит между куратором и конкретным игроком («одиночная игра»). Сама игра атомизируется, распадается на множество чатов-диалогов: происходит переход от коллективного ожидания игры к своего рода игре в «мафию», где каждый играет сам за себя, пытаясь при этом угадать, какую роль играет партнер. Одним из следствий атомизации оказывается то, что «куратор» больше не привязан к конкретной группе и может, с точки зрения участников, входить в контакт в любом месте – даже оффлайн. Так, в одной из школ Санкт-Петербурга зафиксирована запись на парте, в которой был указан телефон «куратора» (*Илл. 8*).

Илл. 8. **Телефон «куратора» на школьной парте. Петербург, 12-13 марта**

Этот процесс также подтверждает обозначенный выше тезис о влиянии моральной паники на игру. Доступность информации о правилах на «позднем» этапе моральной паники, в свою очередь, позволяет любому примерить роль куратора. В результате изменяется структура «игрового сообщества»: относительно большие группы с одним или несколькими лидерами-кураторами превращаются в неструктурированное множество пар «куратор-игрок».

Участники игры примеряют на себя маску «куратора», имитируя его поведение на основании образа, который оформляется в СМИ

и в общественном пространстве слухов и страхов. В то же время другие участники имитируют поведение «ведомого игрока» с целью расследования, спасения других или в развлекательных целях. Игра оказывается сценарием, разыграть который может каждый, кто осмелится принять на себя любую из ролей, причем имитативность может присутствовать в действиях каждого из участников («куратора» или «игрока»).

Четыре сценария «одиночной игры». Сценарий «новой игры», ставшей популярной в последние несколько месяцев, теоретически может быть разыгран в виде одной из четырех комбинаций:

1. Куратор играет «всерьез», игрок играет «всерьез»
2. Куратор имитирует игру, игрок играет «всерьез»
3. Куратор имитирует игру, игрок имитирует игру
4. Куратор играет «всерьез», игрок имитирует игру

Именно первый вариант – куратор пытается всерьез довести до самоубийства, а игрок следует его инструкциям – закрепился в массовом создании и СМИ. Однако этот вариант игры нашей исследовательской группе не удалось зафиксировать.

Ко второму варианту (куратор имитирует игру, игрок играет «всерьез») относятся практически все случаи, с которыми в действительности столкнулся исследователь МАФ в «группах смерти». В большинстве групп, где происходило ожидание игры, вакансия куратора была свободной и ее мог занять любой. Основой для «игры в куратора» стало знание о действиях наиболее раскрученных в СМИ персонажей из «групп смерти» – Филиппа Лиса, Адама Бера, Евы Рейх и других. После ареста Лиса и блокирования оригинальных групп начинает появляться множество подобных ей, но организованных подростками для подростков (во всех случаях, когда возраст «куратора» можно было установить, он оказывался школьником). При этом происходит изменение стиля «агитации за смерть»: если Лис старался погрузить собеседника «в транс» (что бы это ни значило) особыми видео и беседами, а Море Китов много сил тратил на создание антуража, вдохновляющего на депрессивные состояния, то новые «кураторы» заявляют о своих планах на игрока сразу и «в лоб», не беспокоясь об атмосфере и контексте этих слов. Вместо «погружения» игрока в дискурс суицида они просто называют ключевые маркеры игры наподобие 50 заданий, рисунка лезвием на руке и прыжка с крыши. Все это пересказывается в течение одного сеанса связи, и часто – в одном сообщении. Школьники-кураторы, принимающие на себя роль кураторов, имитируют их деятельность, просто воспроизводя устойчивые компоненты легенды об игре. В случае нарушения игроком сценария (например, в целях «троллинга») и угроз обратиться в полицию, они немедленно «выходят из роли» и просят «ничего не говорить родителям» или «не звонить в школу».

Третий тип (куратор имитирует игру, игрок имитирует игру) представлен, как правило, в видеосюжетах с демонстрацией скриншотов, содержащих переписку блогера с «куратором» в сопровождении ироничных комментариев. Такая переписка чаще всего является двойной игрой: под личиной юного школьника, ищущего смерти, скрывается блогер, а под маской куратора – подросток. Перед нами – не просто троллинг куратора, но инверсия классической версии игры. Большая часть таких видео заканчивается тем, что угроза «приехать и разобраться» исходит уже не от куратора, а, наоборот, от жертвы. Другие зрители роликов «стебутся над общей паранойей». Такая инверсивная игра предлагает жертве принять на себя роль агрессора, и тем самым выполняется компенсаторная функция. В устных интервью некоторые школьники признаются, что *смотрели видео с троллингом, чтобы увидеть, что куратор ничего не может сделать*.

Так насмешка над смертью и моральной паникой оказывается главным ресурсом поздней волны массовой реакции на игру «синий кит». Игра превратилась в симулякр, в «игру в игру» или отсутствующую игру, в которой одни люди делают вид, что они кураторы, а другие выдают себя за играющих. Обе стороны при этом не признаются в фикции сразу, получая удовольствие от своего притворства. Эта комбинация двойной имитативности оказывается очень устойчивой, доказательством чему служат десятки видео и скриншотов троллинга кураторов, заполонившие социальные сети.

Четвертый вариант (Куратор играет «всерьез», игрок имитирует игру) подразумевает серьезное выполнение действий со стороны куратора и имитацию действий со стороны игрока (например, с целью высмеивания, расследования или повышения читаемости своего ресурса). Исследовательской группе МАФ известно немного случаев, подпадающих под это описание, и в отношении них тоже существуют сомнения.

7 февраля активный пользователь Твиттера, по имени Маша, поставившая «по приколу» хэштег #тихийдом и #синийкит, в социальной сети «Вконтакте», получила сообщение от человека, представившегося куратором. После небольшого вступления он потребовал от Маши вырезать кита на руке, на что получил встречное предложение купить слона. Их переписка длилась с 7 по 11 февраля, скриншоты Маша выкладывала в твиттер. За день количество лайков к постам на не слишком до этого популярном аккаунте взлетело до 7-8 тысяч, и Маша стала знаменитой. Троллинг горе-куратора, в качестве которого выступал молодой армянин Рамиш, породил десятки мемов, разошелся на цитаты и получил тэг #Рамаша.

Эти типы игры способны очень быстро переключаться с одного на другой, в результате чего возникает та самая неопределенность, на которой во многом и держится «нерв» игры: что перед тобой – игра или розыгрыш? Перед нами – один из принципов ARG («This is not a game» – «это не игра»), на котором построены дешифраторские и конспирологические практики, занимающие основное время играющих. Игрок «Синего кита» задает себе тот же вопрос, который занимает игрока в ARG: с чем я имею дело, с игрой или с реальностью? С настоящим разгадыванием шифра, или с его имитацией? Это проявляется, во-первых, в переписке с куратором (участники выясняют правила игры на ранних этапах), а во-вторых, в сопровождающих игру практиках.

«Игроки» и «сыщики». Итак, первый вопрос, который решает для себя пользователь, включающийся в «игру»: как квалифицировать ситуацию (как игровую или как серьезную)? Ее недоопределенность приводит к формированию четырех видов коммуникации, которые мы рассмотрели выше. Однако она же порождает и другой тип участия в игре, которое сами участники называют «копанием» или индивидуальным расследованием. Суть его заключается в том, что человек включается в «игру», подвергая сомнению описанные в СМИ правила и последствия участия в ней, и пытается самостоятельно квалифицировать ситуацию (становится «сыщиком»). Расследование само по себе становится видом «игры»: люди начинают разгадывать тайные послания кураторов, строить конспирологические теории, увлекаются процессом расследования, ищут других «сыщиков», чтобы объединить усилия.

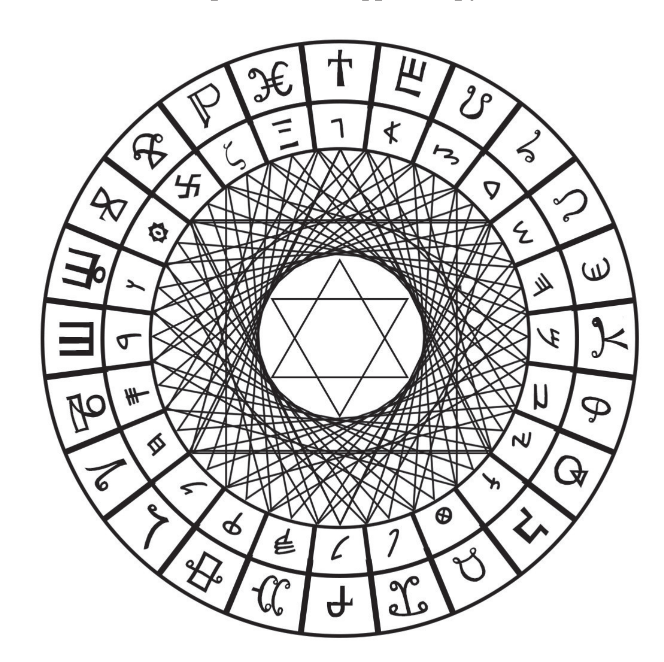
Например, 22 мая нашему внедренному исследователю написала девушка (К.Л.) с вопросом: играет ли он в игру, или просто «копает»? Узнав, что О.Г. «копает», она предложила объединить усилия: попытаться понять, как устроена «секта», которая доводит детей до самоубийства. Для этого К.Л. предлагала попытаться расшифровать знаки на изображениях, которые были размещены в группе «F57» (*Илл. 9*).

Одновременно она сомневалась в реальности загадок и предполагала, что, возможно, они – просто отвлекающий маневр, позволяющий запутать чужаков:

Чёрт, что если нет никаких ребусов? И не было? Я тоже могу наобещать ребус, ты будешь гадать, в то время как [другие] *без всяких загадок мрут. А я могу обещать тебе выход через смысл, которого нет и ты, разгадав то, чего нет, будешь покидать бренный мир.*

Идея поиска тайных смыслов могла быть усвоена этим «сыщиком» из двух источников. Галина Мурсалиева, автор статьи в «Новой газете», описывала логику взаимодействия «кураторов» с игроками как разгадывание загадок. Кроме того, поиск ключей и разгадывание шифров – характерные

Илл. 9. **Изображение шифра из группы «F57»**

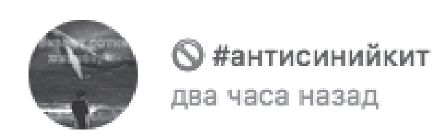
практики нетсталкеров, чья культура лежит в основании «Синего кита», о чем мы писали в главе I.

«Добрые игры»: «единороги и дельфины» против «синего кита». В отличие от «игры всерьез», которую мы так и не смогли найти, группа МАФ наблюдала два варианта другой «серьезной игры», которые сформировались под влиянием массового распространения информации о «группах смерти» в начале 2017 года.

Участники игры «в спасение китов» (первый вариант) полагают, что на самом деле защищают жизни подростков, втянутых в «группы смерти», и отговаривают их от совершения самоубийства. С этой целью было создано несколько пабликов: «антисиний кит», «антикит» и т.д. Пользователи таких сообществ называют себя «дельфинами» и размещают антисуицидальные хештеги (#яневигре, #тынекит, #моредельфинов) и жизнеутверждающие стихи.

В пабликах этого типа участники (как правило, школьники) обмениваются друг с другом информацией о новых «суицидальных группах», которые надо закрыть, и делятся ссылками на личные страницы пользователей, которые, с их точки зрения, играют в синего кита и нуждаются в спасении. Основная деятельность «антикитов» – писать *в личку* предполагаемым жертвам, чтобы отговорить их играть (*Илл. 10*).

Илл. 10. **Информация о китах и кураторах в сообществе «Антисиний кит»**

22 февраля исследователю МАФ написала девочка 13 лет, организовавшая одну из таких групп (в начале марта группу заблокировали за подозрение в пропаганде самоубийства): *Вы Кит ? Скажите. Я помогу.* В дальнейшем разговоре она сообщила, что узнала о ситуации в социальных сетях, прочитала рассказы о опасных группах, и решила помогать людям и отговаривать их от самоубийства. По ее словам, она сумела помочь 17 людям, хотя в некоторых случаях ее постигала неудача. Иногда она сама находила китов, иногда ее сами просили о помощи «киты» или их друзья. В качестве доказательств она присылала фрагменты ее переписок лично исследователю и выкладывала их в своей группе.

Второй случай «серьезного» отношения и ведущего, и ведомого к проигрываемому сценарию (только не к суицидному, а антисуицидному) – «добрая игра». Она заимствует механику игры у «синего кита», но нейтрализует «опасный» компонент: создается альтернативная игра, не ведущая к опасным последствиям, а предполагающая обычное игровое взаимодействие в рамках четко описанных правил и определенных ролей игроков и кураторов. Названия сообществ, практикующих такую игру, строились по аналогии со словосочетанием «синий кит»: «голубой единорог», «рыжий кот», «белый кот», «зеленая черепаха». В них можно было добавиться и напрямую написать куратору, который давал нарочито безобидные задания: сделать фотографию еды или полить растение. Некоторые из них позиционировали себя как полезная альтернатива «синим китам», другие просто предлагали свои игры.

В том числе, такие группы организуются под эгидой государственных учреждений и общественных движений (так, в Республике Чечня представители местной телерадиокомпании запустили религиозный квест «Благо для нас», построенный на тех же принципах выполнения 50 заданий).

Цели игроков в «сообществах игры» и «одиночных играх». Все многочисленные «кураторы» и «искатели заданий» (51 человек), вступившие в контакт с нашим исследователем, были подростками не старше 15 лет (в тех случаях, когда мы могли узнать возраст). В мае 2016 года основной целью игроков оказывается установление взаимодействия и обсуждение проблем, а роль администратора – в задавании правил для таких объявлений. В феврале – марте 2017 г. игроками, как правило, двигало желание напугать партнера по коммуникации для получения контроля или самим испытать чувство ужаса, а в «добрых играх» – избавиться от чувства ужаса и таким образом от него защититься.

И то, и другое являются совершенно естественными практиками для детского и подросткового возраста. Одни исследователи утверждают, что намеренное переживание опыта страшного (рассказывание страшных историй, посещение страшных мест) помогает ребенку справиться с осознанием смерти как необратимого события[6]. Другие полагают, что через такие практики реализуется потребность ребёнка в самостоятельности от взрослых[7]. Прагматика всевозможных «практик страшного» связана со статусом в группе сверстников – демонстрация бесстрашия дает возможность его повысить. Это можно сделать, слушая леденящие душу рассказы или совершая соответствующие действия – от вызываний Пиковой дамы и ночных прогулок на кладбище (когда причиной страха становятся мифологические представления о сверхъестественном) до намеренного попадания в ситуацию с реальной угрозой для жизни (пробежать перед машиной, пойти на стройку). Испытание страхом и преодоление опасности (неважно, насколько она реальна) становится своего рода инициацией, позволяющей стать полноправным членом группы. Поэтому когда девочка одиннадцати лет сообщает своим одноклассникам, что она заходила на страницу группы «Синий кит», это вызывает и ужас, и восторг перед такой смелостью. Здесь можно вернуться к цитате в начале исследования из разговора с 9-летней девочкой: *Вообще-то, мы в классе об этом не говорим. Потому что многие боятся. Ну, нервные они очень*.

Заключение. Итак, существование игры в «синего кита» поддерживается практиками ритуального испытания страхом, столь характерными для младших подростков. Игра всегда ориентирована на вхождение в группу сверстников и взаимодействие в ней: либо путем вовлечения в «виртуальное сообщество игры», либо путем «инициации страхом» в оффлайн-сообществе друзей и одноклассников.

Вторая составляющая – это поддержание и укрепление статуса внутри такой группы. Оно также может происходить при помощи эксплуатации мифологических представлений – в том числе, путем особого поведения: имитации владения определенным знанием или технологией. Например, в конце советского периода была очень популярна история о некоей «красной пленке», фотографируя на которую можно увидеть людей голыми. Некоторые мальчики держали в страхе весь класс или двор, угрожая девочкам сфотографировать их на такую пленку. Такая угроза (шантаж красной пленкой) ничем не отличается от угроз, исходящих от «кураторов» – речь идет о приобретении символической власти и повышении статуса в своем коллективе за счет того, что ты не боишься сам и/или можешь контролировать и пугать другого (в случае игры в «синего кита» это можно делать еще и в виртуальной реальности, где ты не знаешь и не видишь собеседника).

ГЛАВА III. МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА: ОТ ТРЕВОГИ ДО РЕПРЕССИЙ

В 2010 году один из авторов этого текста был в фольклорно-этнографической экспедиции в Иркутской области, весьма далекой по своим задачам от темы этого исследования. Однажды мы приехали в одну из деревень, населенную бурятами и русскими – ставни захлопывались, никто не хотел с нами разговаривать, а все жители сидели по домам и ждали приезда шамана. В поселке случилось страшная трагедия – сначала один молодой человек покончил с собой, а через несколько дней – и другой. Причина испуга односельчан заключалась в уверенности, что их навестили *улейские девушки (*от названия деревни Улей*)*. Согласно местной легенде, некая бурятская девушка была выдана замуж насильно, и не выдержав, сбежала обратно к родителям, которые ее не приняли. Тогда она покончила с собой и стала являться молодым людям (и юношам, и девушкам), находящимся в депрессии, и подталкивала их совершить самоубийство. Тот, кто ее послушался, тоже приобретал после смерти такую силу. Хоровод улейских девушек – страшное бедствие для деревень этого района. Их приходом местные жители объясняют практически все несчастья. Именно это произошло с самоубийством молодых людей, у которых, в действительности, могли быть совсем другие основания для ухода из жизни: оба вернулись со службы в армии, а один из них был в Чечне. Тем не менее, по логике местных жителей, виноват в трагедии был некий «агент угрозы» мифологической природы – улейские девушки, и на приходящего шамана возлагались надежды на их изгнание.

Перед нами – моральная паника, хотя и в микромасштабе. Вера в существование сверхмогущественного врага, который разрушает нашу жизнь, – ее неотъемлемый признак. Термином «моральная паника» социологи обозначают ситуацию, при которой восприятие реальной или вымышленной группы как угрозы для сообщества провоцирует агрессию по отношению к любым объектам, которые могут быть ассоциированы с этой группой.

Причина известных в истории «моральных паник» заключалась в том, что источником проблем, существовавших внутри самого сообщества, объявлялись чужие (или их образ). Борьба с проблемами сводилась к изгнанию или уничтожению опасных чужих. Так, например, в Европе в Новое время сложная религиозная ситуация и бедность ресурсов стали скрытым триггером для массового обвинения женщин в колдовстве и сговоре с дьяволом. В нацисткой Германии послевоенная разруха и ресентимент привели к поражению евреев в правах, а потом – и к Холокосту. Экономические трудности и глобальные сдвиги в социальной структуре советского общества 1930-х годов вылились в масштабные кампании по разоблачению «вредителей», на которых перекладывалась ответственность за неудачи в социалистическом строительстве.

В нашем случае, начиная со статьи в «Новой газете», обсуждение трагедии – нескольких подростковых самоубийств – свелось не к поиску социальных и психологических причин этого явления, а к конструированию образа некоторого мифологического зла (страшных «групп смерти»), будто бы ответственного за все подростковые суициды, происходящие на территории страны. Этот «образ врага» формировался постепенно, в процессе многомесячного обсуждения проблемы в соцсетях и в СМИ, обрастая все новыми и все более мифологическими подробностями. Вопрос, который стоит перед нами сейчас – каким именно образом была сконструирована опасность?

Теории «моральной паники». Исследователями выделяются две ключевые модели «моральной паники».

Динамическая модель, предложенная С. Коэном[8], описывает последовательность ее развития: (1) возникновение ситуации, осознаваемой как угроза; (2) ее стереотипизация в СМИ; (3) комментарии со стороны «лидеров мнений» в области морали; (4) социально одобренные эксперты предлагают свои решения; (5) некоторые из них принимаются и реализуются; (6) ситуация угрозы исчезает или к ней теряется интерес.

Статическая модель, предложенная Э. Гудом и Н. Бен-Иегудой[9], нацелена на описание основных элементов моральной паники: (1) беспокойство по поводу определенной ситуации; (2) повышение враждебности по отношению к группам, обвиняемым в ее создании; (3) непропорциональность ощущаемой угрозы реальному вреду и (4) неустойчивость моральной паники, ее мимолетность.

В обеих моделях социальная значимость моральной паники заключается в пересмотре и утверждении определенных общественных норм и закреплении их репрессивными актами власти[10]. Обе эти классические модели разделяют ряд общих недостатков, не позволяющих напрямую применять их для описания наблюдаемых сегодня ситуаций. Разработанные для описания общественной тревожности, связанной с молодежными деликвентными группами, они несут на себе отпечаток теорий, культурной гегемонии и символического сопротивления.

Такие модели жестко ограничивают типологию агентов моральной паники. Основными движущими ее силами выступают агенты власти: СМИ и государственные органы, а публике отводится роль греческого хора, обеспечивающего поддержку идей власти. Многие исследователи справедливо обвиняют такой подход в излишнем упрощении: по сути, он антроморфизирует общество, метафорически описывая его как одного человека, испытывающего эмоции (страх, тревогу и т.д.) – в то время

как различные социальные группы по-разному вовлекаются в этот процесс[11].

В нашем случае мы видим принципиально другую ситуацию: моральную панику конструирует множество самых разнообразных групп и лиц, далеко не все из которых имеют официальный статус. Например, как будет показано ниже, важным информационным каналом оказался видеоблоггинг – своего рода «телевидение подростков для подростков». Эта полиагентность, ставшая особенно заметной с развитием Web 2.0, на самом деле имела место и раньше – просто в роли таких «народных СМИ» выступал, например, устные коммуникации или «нишевые» медиа, рассчитанные на узкие целевые группы, часто ими же и создаваемые (например, фэнзины). Как показывают Б. Конвелл и А. Линдерс[12], угроза заставляет членов самых различных групп взаимодействовать друг с другом для совместного упорядочивания неопределенной и часто противоречивой информации об этой угрозе. В результате этих совместных интерпретационных усилий «паника» как беспорядочная реакция на противоречивую информацию уступает место «организации»: мобилизации для борьбы с четко описанным «злом» при помощи санкционированного властью набора инструментов.

Наконец, еще одним упреком, который выдвигается в адрес классических теорий оказывается то, что они изолируют моральную панику от фоновой (часто – имплицитной) медийной трансляции ценностей. По мнению, например, С. Уотни[13] и К. Томпсона[14], тот комплекс явлений, который принято описывать как моральную панику, не возникает «ниоткуда» – это всего лишь временная активизация, всплеск постоянно происходящего обсуждения тревожащих проблем. Более того, нередко моральная паника оказывается маркетинговым инструментом: инициируя или раздувая ее, производители нишевых продуктов (в т.ч. информационных) стимулируют их востребованность.

«Группы смерти» и другие моральные паники, связанные с угрозой детям. «Синий кит» – не единственная история об опасности, угрожающей «нашим детям», и поднимающая волну паники в российском медийном пространстве. Она входит в комплекс городских легенд, сюжеты которых включают в себя структурно схожие элементы: некие анонимные злодеи наносят детям вред, предлагая им обманчиво привлекательные вещи. В роли такой привлекательной вещи могут выступать технические средства (компьютерные игры, виртуальные сообщества, Интернет) или лакомства.

В таблице ниже представлены зафиксированные нами слухи о различных опасностях, угрожающих детям, начиная с 1996 года. Дата указывает на первую фиксацию в СМИ. Как мы видим, в 1990-е годы объектом страха становились преимущественно мультфильмы и технические новшества западного происхождения, в 2000-е им на смену приходят так называемые *consumer rumours* (слухи об опасных продуктах); легенды же, связанные с самоубийствами и убийствами, возникают регулярно.

Утверждения об опасности Интернета также неоднократно появлялись в СМИ и до 2016 года. Автор первой резонансной статьи о «группах смерти» Галина Мурсалиева высказывалась на эту тему в 2007 и в 2009 годах (тогда она писала о виртуальных «клубах самоубийц»). В 2012 году тема деструктивного влияния Интернета поднималась в одной из передач Первого канала («Причину моей смерти ищите в Интернете»). «Опасность» Интернета, о которой идет речь в подобных публикациях, объяснима: Интернет – это пространство, мало понятное, а потому неподконтрольное взрослым. Поэтому в качестве такого опасного объекта может выступать любое другое столь же «закрытое» для взрослых пространство. Большая паника 2016-2017 гг. имела аналог в виде локальной паники, следы которой обнаруживаются в публикации газеты «АиФ» за 2001 год[15]. Речь в ней идет о нескольких подростковых самоубийствах в г. Кстов Нижегородской области, которые автор статьи связывает с деятельностью местного компьютерного клуба, где погибшие молодые люди проводили много времени. В клубе подростки играли в японскую игру «Final Fantasy» («Последняя фантазия»). Описание вредного влияния, которое подобное времяпрепровождение оказывало на подростков Кстова, удивительным образом напоминает сюжет современной истории о «группах смерти»: дети обзаводились «кличками», начинали читать подозрительные книги по психологии («Как влиять на людей»), тушить об руки сигареты и забираться на крыши высотных зданий.

В 2016-2017 годах возникает сразу несколько моральных паник, связанных с угрозой детям, как правило, со стороны Интернета. Осенью этого года по стране прокатилась волна панических слухов о жвачках с наркотиками, которые будто бы распространяются злоумышленниками возле школ. Пик популярности этого сюжета в СМИ пришелся на середину октября. Другой городской легендой на тему «дети в опасности», распространявшейся параллельно с «синими китами» и «наркожвачками», стала история о том, что некие Интернет-злодеи создают в Интернете красочные сайты, на которых детям советуют выпрыгнуть в окно или включить в квартире газ, чтобы стать «феей Винкс». В конце января 2017 года СМИ и анонимные авторы мэссенджер-рассылок начали пугать родителей игрой «Беги или умри», которая будто бы распространяется среди подростков через соцсети и суть которой заключается в том, чтобы пробежать дорогу перед едущей машиной, а затем выложить видео в сеть. Все эти сюжеты подпитывают друг друга.

Основные элементы сюжета о «группах смерти» в СМИ. Рассмотрим основные элементы истории о «группах смерти» в ее «паническом» варианте, сложившемся к марту 2017 года, который сопровождался призывами усилить контроль над детьми, ввести репрессии, подключить органы правопорядка и т.п.

Табл. 1. Российские слухи об опасностях, угрожающим детям (с 1996 по 2017 год)
первое упоминание в прессе кто и что угрожает детям?

1996	Слухи о человеческих жертвоприношениях, в т.ч. детей, совершаемых сатанистами (позже – готами)
1996	Публикации о том, что излучение мобильных телефонов вызывает рак мозга
1997	Слухи о самоубийствах детей после «смерти» тамагочи
1997	Слухи и публикации об опасности просмотра мультфильмов «Покемоны» и «Трансформеры» для детей: яркие цвета и «спиральные» глаза зомбируют/вызывают эпилепсию
1998	Слухи о хранении бананов в морге и их заражении трупным ядом
1999	Слухи о том, что прививки вызывают аутизм у детей
2000	Слухи о самоубийствах, спровоцированных аниме («Наруто», «Тетрадь Смерти» и т.д.)
2000	Слухи, что игральные фишки из коллекции Pokemon вызывают игровую зависимость у детей и взрослых
2000	Слухи о том, что толкиенисты случайно или специально убивают друг друга и посторонних
2001	Самоубийство подростков, вызванное, по версии СМИ, посещением компьютерного клуба в г.Кстов Нижегородской обл.
2001	Слухи, что компьютерные игры отучают детей бояться реальной опасности (например, машин на улице)
2001	Слухи о том, что компьютерные игры (чаще всего Doom и Counter-Strike) вызывают агрессию у детей и приводят к убийствам в реальной жизни
2003	Слухи о конвертах с «сибирской язвой», рассылаемые по администрациям
2004	Обсуждение существования банды, крадущей детей из торговых центров с целью похищения почек
2005	Слухи о том, что российские дети умирают от инсульта во время компьютерных игр
2006	Слухи о том, что ВИЧ-террористы оставляют зараженные иглы в сидениях кинотеатров/банкоматах
2007	Слухи о самоубийствах, спровоцированных субкультурами эмо и готов
2011	Слухи о том, что игрушки-«смешарики» убивают детей из-за ядовитого красителя
2011	Обсуждение ГМО в детском питании
2012	От поддельных лекарств умирают дети (12 детей умерло в Алма-Ате)
2012	Слухи о том, что ГМО вызывает бесплодие в будущем
2013	Жители Петропавловска-Камчатска сообщают об опасной воде в водопроводе (рассылка СМС и Whatsapp)
2014	Слухи о том, что в городах продаются зараженные ВИЧ бананы
2014	Обсуждение того, что силиконовые браслеты вызывают рак
2014	СМС о заражении бананов вирусом Эбола
06.04.15	Сообщения о том, что под видом жевательной резинки школьникам раздают наркотики («наркожвачки»)
23.09.15	Слухи о банде педофилов, заманивающих жертв с помощью щенка
09.10.15	Самоубийство школьниц на «элеваторе смерти» в Тамбове приводит к локальной панике
05.11.15	Публикации о парацетамоле из Израиля с проволокой внутри (рассылка Whatsapp) убивает больных, в том числе детей
11.11.15	В родительских рассылках появляются сообщения, о том, что а город N засланы террористы-смертники, возможны терракты в торговых центрах
03.12.15	Предупреждения о массовых самоубийствах, готовящихся «группами смерти» 8/12/2015
16.02.16	Обсуждение игры «24 часа»: детям предлагается пропасть из поля зрения родителей на 24 часа
16.05.16	Публикация о «группах смерти» в Новой Газете. Начинается первый всплеск паники
30.05.16	Рассылка, в которой рекомендуется открыть газ, чтобы превратиться в фею Винкс, и начало обсуждения «смертельных рецептов»
29.08.16	Скандал в школе 57. Обсуждение темы «педофилы в школах»
28.09.16	Публикации об иглах с ВИЧ в поручнях эскалаторов метро
26.10.16	Слухи о ящуре в молочной продукции «Агуша»
21.12.16	Слухи о китайских мандаринах, вызывающих ВИЧ (рассылка Whatsapp)
23.01.17	Сексуальный скандал в «Лиге школ» (вторая паника по поводу учителей-педофилов в в школах)
02.01.17	Слухи о ядовитых ёлочных игрушках в Красноярске
01.02.17	Второй всплеск историй о «группах смерти» в СМИ

02.02.17	**«Беги–или–умри»: вирусная рассылка в городах России и СНГ о перебегании детьми дорог прямо перед машинами. Начало массовых обсуждений**
21.02.17	**Изъятие в Тюмени детских книг, классифицированных как подталкивающие к самоубийству**
14.03.17	**Сообщения об опасных заданиях в жвачке Five («Правда или действие»)**
23.03.17	**Опасение, что книги–блокноты «Уничтожь меня», «Открой мир заново!» приводят к самоубийству (изъятие блокнотов из продажи)**
27.03.17	**Слухи о том, что оппозиционеры накачивали подростков наркотиками и отправляли на митинг**

Лейтмотивом высказываний пострадавших родителей является утверждение о том, что ребенок не мог совершить суицид по своей воле (ребенок был «нормальным» – жизнерадостным, имел друзей и увлечения), его «заставили» силой, или повлияли тем или иным способом на его сознание и волю. Совершенно понятный в такой ситуации защитный механизм (обвиняя «группы смерти», родители избавляются от чувства собственной вины за произошедшее) вызывает к жизни представления о гипнотической силе Интернет-контента, который оказывает воздействие на подростков, изменяет их сознание и подчиняет себе их «волю». Эта способность приписывается как всей деятельности групп, так и отдельным элементам «культа китов» – видео, музыке, комбинациям цифр, которыми обмениваются участники групповых и личных чатов.

В нашумевшей статье в «Новой газете» рассказывается о девушке-подростке, у которой желание спрыгнуть с крыши появилось *после видео и песен, которые ей скинули из группы*[16]. В передаче «Мужское и женское» на Первом канале (3.03.2017) показывается видео, которое подростки-смертники смотрят в 4.20 утра; показ сопровождается комментариями о том, что звук на видео имеет «особую частоту», которая, вкупе с визуальным рядом «вводит человека в психоз». Практически на все телепередачи приглашались эксперты, рассуждающие о «грамотно построенном механизме зомбирования»: в качестве примера обычно приводилось «задание» проснуться в 4.20 (эксперты утверждали, что разбуженный в это время человек очень внушаем, «гипнабелен», поэтому видео, просмотренное в 4.20, способно внушить «тревогу» даже тому, кто ее не испытывает).

В изложении СМИ механизм воздействия «суицидальных пабликов» подобен магии: комбинации слов, рисунков, букв и слов меняют личность «совершенно нормального» подростка и подчиняют себе его волю. В терминах традиционной культуры подобные манипуляции могли бы расцениваться как колдовство; сегодня они описываются как «зомбирование»: *В сообществах детей буквально зомбируют, не исключено, что там работают настоящие психологи-профессионалы, владеющие приемами НЛП*[17].

Сюжет о вещах и текстах, присущих чужим и способных изменять сознание и волю, имеет историко-культурные параллели. Так, в дореволюционной России о раскольниках говорили, будто бы они употребляют «колдовские ягоды» из муки, лишающие человека разума и заставляющие его бросаться в огонь[18]. Слухи о подобном магическом воздействии вещей часто становятся выражением технобоязни, особенно свойственной консервативным религиозным группам. Адепты некоторых неправославных учений 1990-х гг. боялись смотреть телевизор, поскольку он способен «кодировать» человека. также опасались грядущего вживления «микрочипов», благодаря которым человек лишится собственной воли и попадет под власть антихриста, станет «роботом» и «закодированным»[19].

Обязательным элементом легенды является рассказ о знаках, по которым родитель или любой другой взрослый может опознать подростка, состоящего в «группах смерти». Самым распространенным опознавательным знаком являются порезы на руке подростка, а также его склонность рисовать китов и бабочек. В некоторых версиях легенды набор «опасных признаков» предельно расширяется: в их число включаются волосы, окрашенные в синий цвет, рубашки или толстовки в красно-черную клетку – одним словом, практически все атрибуты подростковой моды. Так, одна из участниц ток-шоу на Первом канале, мать погибшей девочки, сообщила, что незадолго до суицида ее дочь выкрасила волосы в синий цвет и теперь, замечая на улице подростка с синими волосами, она «понимает, что это не просто так». Мать еще другой покончившей с собой девочки рассказала, что дочь носила рубашку в красно-черную клетку; сын другой настоял на покупке красно-черной толстовки и постоянно носил кеды, что после суицида стало интерпретироваться его матерью как знак включенности в «группу смерти».

Благодаря активной деятельности организации «Спасение детей от киберпреступлений», число «опасных знаков» попадают не только элементы внешнего вида, но и совершенно ординарные практики пользования Интернетом – использование паролей, употребление Интернет-жаргона в чатах[20].

И наконец, начинает выкристаллизовываться фигура агента, убивающего «наших детей». Идея о том, что «группы смерти» являются хорошо спланированным проектом по уничтожению детей, регулярно высказывается различными СМИ. В свернутом виде она содержалась еще в статье Галины Мурсалиевой: *Речь идет о национальной безопасности России, наших детей убивают!* Там же высказывалось утверждение, что за деятельностью суицидальных пабликов стоят взрослые «кукловоды» и некий «центр». Совершенно непонятно, что это за «центр», управляющий группами смерти, и что за люди планомерно «убивают наших детей».

Неясны также мотивы этих зловещих персонажей. Какую выгоду они преследуют, затрачивая значительные усилия – организуя работу «кураторов», покупая души подростков?

Однако постепенно отдельные распространители моральной паники конкретизируют агента угрозы, выдвигая на его роль привычных для российской аудитории внешнеполитических врагов. Тем самым мотивы злодеев из «единого центра» получают квази-рациональное объяснение. Так, в середине февраля менеджер компании «Мегафон», называющий себя «экспертом в области СММ» заявил, что за «*группами смерти» стоят «украинские националисты*[21]. Депутат КПРФ Плетнева, глава Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, связала существование «суицидальной» игры «беги или умри» с деятельностью неких внешних врагов России: *Это негодяи, которые создают игры, чтобы убивать наших детей — или ты беги или умри под машиной. Это просто враги нашей страны*[22]. Чиновник из администрации Краснодарского края пишет в Твиттере: *Целые институты работают за океаном на уничтожение нашей молодежи. И если кто-то здесь помогает этому — он должен быть схвачен и наказан*[23].

«Мерцающий» характер агента угрозы в сюжете о «группах смерти» не вполне вписывается в классические модели моральной паники. В работах Коэна и авторов, работающих в его парадигме, анализируются ситуации, когда объектом паники становятся представители конкретных групп, например, молодежных субкультур или определенных социальных групп (матери-одиночки).

Важнее то, что эти «мерцающие» враги в своем стремлении погубить «наших детей» воздействуют на них через Интернет. Настоящим агентом угрозы является Сеть. Поэтому именно против Интернета направлены законодательные инициативы, возникающие на пике моральной паники. Так, например, в апреле этого года депутаты законодательного собрания Ленинградской области предложили запретить подросткам пользоваться Интернетом до 14 лет, а с 14 – по паспорту[24]. Перед нами – случай моральной паники, когда тревога общества концентрируется не на девиантных группах, а на техническом средстве, благодаря которому появляется некоторая «зона вне контроля», чуждое пространство непонятным образом устроенной коммуникации.

Этапы моральной паники в СМИ. По данным, собранным в «Интегрум. Архив СМИ», на текущий момент развитие моральной паники в СМИ по поводу «групп смерти» прошло четыре этапа:

I. 23 ноября 2015 – 15 мая 2016 года. 23 ноября 2015 г. в Уссурийске кончает с собой шестнадцатилетняя девушка, известная в сети под псевдонимом «Рина Паленкова». Реакция СМИ на это событие локального масштаба очень ограничена, а в социальных сетях, наоборот, начинает появиться материал о игре, связанной с суицидом. В течение нескольких дней начала декабря создаются группы памяти, распространяется рассылка о массовых самоубийствах подростков, запланированных на восьмое декабря, происходят любительские расследования и т.п.

16 декабря 2015 г. организация под названием «Лига безопасного Интернета» направляет в МВД запрос о расследовании и пресечении организованного суицида. 15 января 2016 г. Елена Мизулина также выступает с заявлением на эту тему, и 29 января в системе образования проходит распоряжение школам принять меры. Тем не менее, СМИ реагируют на происходящее все еще крайне вяло.

Наконец, 27 апреля 2016 г. Мизулина требует признать использование Интернета отягчающим обстоятельством при подстрекательстве к самоубийству. Этот сюжет, по-видимому, становится поворотной точкой: интерес СМИ к нему оказывается в разы выше, чем к предыдущим событиям.

II. **15 мая 2016 – 14 ноября 2016 года.** Активное обсуждение подростковых самоубийств в прессе начинается с публикации Г. Мурсалиевой в «Новой газете». Идущий на убыль после 21 мая интерес ненадолго поддерживает очередное заявление Мизулиной, а затем – сообщение о «детском» варианте групп смерти – игры «как стать феей огня». Несмотря на это, в течение лета и практически всей осени 2016 года тема становится прочно забытой, отступая перед новостными поводами другого типа (например, вопросом о педофилии в школах).

В первых телепередачах, посвященных «группам смерти» («Время покажет», Первый канал, 15.06.16), проблема подростковых самоубийств обсуждалась в более или менее рациональном ключе: говорилось о несовершенстве системы психологической помощи в России, о проблемах семьи и школы, об ответственности родителей, о необходимости больше уделять внимания детям.

III. **15 ноября 2016 – 31 января 2017 года**. 15 ноября 2016 года был арестован Филипп Будейкин – предполагаемый организатор «групп смерти». Этот арест стал беспрецендентно сильным инфоповодом – за день появилась почти тысяча публикаций на эту тему. Привлекает к себе внимание тот факт, что накануне состоялось двойное самоубийство «псковских Бонни и Клайда» (к этому мы еще вернемся в заключении).

Осенью 2016 г. тональность передач меняется. Ведущие и зрители активно задаются вопросом «кто за всем этим стоит», причем фигура предполагаемого «кукловода» все больше демонизируется; история «китов» начинает обсуждаться в контексте идей мирового заговора. В фильме «Куда уходит детство?», показанном каналом НТВ в ноябре, появляется идея того, что «они» (то есть организаторы «групп смерти») выбирают для обработки «детей из положительных семей, одаренных».

После этого всплеска интерес СМИ к теме резко пошел на убыль, но средние дневные показатели числа публикаций после этого всплеска остались на значительно более высоком уровне, чем до ареста (до ареста – 8.12 публикаций в день, после – 48.14). Иными словами, наблюдается некоторый «кумуля-

тивный эффект». Вместе с тем, на этом этапе реакция СМИ все еще подчиняется стандартному для новостных событий степенному закону – резкий всплеск и более-менее постепенное затухание.

IV. **1 февраля 2017 – по настоящее время.** 1 февраля 2017 года были обнародованы результаты психиатрической экспертизы, согласно которой Филипп Будейкин был признан вменяемым. Практически одновременно с этим возникают публикации про игру «беги или умри», а в «группах смерти» и среди их противников нарастает мощная волна активности – подростки ищут кураторов, троллят кураторов, притворяются кураторами (см. подробнее Главу II). Начиная с 7 февраля, по поводу «групп смерти» выступает целый ряд резонансных политиков, ужесточается деятельность Роскомнадзора, работает «киберполиция», а параллельно эту активность освещают как официальные СМИ, так и блогеры и видеоблогеры (в т.ч. популярные среди подростков). В этот период среднее число публикаций в день составляет 270.68 (!), причем складывается своего рода недельный цикл с провалами активности в выходные и праздничные дни. В этот период уже можно говорить о складывании в СМИ устойчивой моральной паники с очень высокой плотностью.

В нескольких передачах, показанных на российских каналах в марте 2017 года, уже говорится о «грамотно построенном механизме зомбирования», излагаются версии о «коварно спланированной атаке» и «мировом заговоре» (Время покажет: Поймать «Синего кита», 13.03.17), утверждается, что деятельность групп координируется из единого центра (Мужское-женское: «Осторожно, синий кит!», 2-3.03.17). В ток-шоу «Мужское-женское» на Первом канале звучит рассказ о том, что организаторы групп за каждого доведенного до самоубийства ребенка платят «кураторам» деньги, причем за «лучших» детей платят больше (зрителям даже показывают «договор на покупку души»). Эта же мысль излагается в репортаже НТВ («"Группы смерти"» доводят детей до самоубийства за деньги», 5.03.17).

Все эти идеи находят живой отклик у аудитории. Так, через несколько дней после передач Первого канала и НТВ губернатор Ульяновской области рассказывает о практике «покупки душ» на заседании Совета безопасности региона: *за каждую смерть платят, а если это еще и одаренный ребенок — платят вдвойне.* При этом губернатор утверждает, что организаторы «групп смерти» представляют собой *серьезную сеть, даже более страшную, чем запрещенная в России террористическая организация «Исламское государство»*[25].

Моральная паника по поводу «групп смерти» не возникает спонтанно и на пустом месте – напряжение февраля – марта было в значительной степенью подготовлено событиями мая и ноября. В каждый следующий период реакции СМИ по сравнению с предыдущим растут как пиковые значения, так и среднее число публикаций по теме в день. В феврале реакция совершает качественный скачок, и не затухает, как раньше, но нарастает, поддержанная двумя факторами:

1) заявления ведущих политиков и чиновников создают дополнительные новостные поводы и дополнительную нервозность;

2) эти новости «перекодируются» блогерами для подростковой аудитории, привлекая ее внимание к этой теме.

Паника в школах и родительских группах. Паника при активном участии СМИ докатывается до школ. По нашим наблюдениям, это происходит во второй половине февраля, а пик интенсивности «внутришкольной» паники приходится на первую половину марта. В это время в школах начинают проводиться классные часы и собрания, на которых родителям и детям рассказывают о «группах смерти» Вконтакте. В марте в некоторых регионах (например, в Иркутской области[26]) администрация школ решает проводить регулярные медосмотры с целью обнаружения порезов на руках подростков. Некоторые школы возлагают эту обязанность на родителей.

На классных и школьных родительских собраниях родителям рассказывают о страшных суицидальных пабликах, сообщают признаки, по которым можно выявить опасность, и в целом призывают быть бдительными и контролировать общение детей в сети: *Наблюдайте за своими детьми, отслеживайте переписку, пока они еще не научились удалять историю. Смотрите контакты, не появился ли кто-то незнакомый в группе. Потому что эти сообщества, Синий кит и Тихий дом…. Доводят детей до самоубийства* [учитель московской школы, 14.03.17][27]. Сюжеты из ток-шоу и репортажей с Первого канала и НТВ начинают распространяться по институциональным каналам, в виде официальной информации, получаемой от администрации школ и учителей: *говорят, что это мировой тотализатор. Кто участвует и довел подростка до самоубийства, получает деньги, а кто нет – платит сам, вот и всё* [директор московской школы, 14.03.17][28].

Помимо устных сообщений, администрация школ информирует родителей о группах смерти через брошюры и письменные предупреждения. Так, в одной из школ Петербурга родителям раздали брошюру под названием «Рекомендации по защите детей от преступных посягательств в сети Интернет». Авторы этого текста дают родителям подробную инструкцию о том, как выявлять в облике и поведении ребенка «опасные знаки», отслеживать жизнь детей в соцсетях. Также брошюра содержит утверждение, явно отсылающее к телесюжетам: *необходимо иметь в виду, что участниками групп смерти становятся из полных благополучных семей, часто с хорошим достатком и организованным досугом, с широким кругом общения*. Это замечание очень характерно для текстов, подогревающих моральную панику: аудитории сообщается, что жертвой может стать группа лиц, считающаяся

защищенной (в данном случае это дети, застрахованные от суицидальных желаний благополучием семьи).

В середине марта паника выходит на новый виток. 11 и 18 марта многие родители получают через мессенджеры сообщения о том, что некая «группа "КИТ"» в воскресенье планирует провести массовую акцию самоубийства. Все найденные нами сообщения объединены ссылками на авторитетные источники в лице «зам. директора гимназии» и «полиции» (*Илл. 11*).

От учителей и родителей – обратно к детям. Благодаря классным часам и собраниям многие дети, особенно школьники младших классов, впервые слышат историю о существовании «групп смерти». Для детей, узнающих о «группах смерти», как правило, от взрослых – родителей, учителей, журналистов, видеоблогеров – эти паблики становятся чем-то вроде виртуальных «страшных мест» (на них заходят, дрожа от страха). Практики «приобщения к страшному» включают в себя не только поиск зловещих пабликов в сети но и попытки увидеть настоящего «куратора». Четверокласснику из подмосковного города Лыткарино о «синем ките» рассказывали два раза – 18 февраля и 3 марта на классных часах. После первого классного часа он завел фейковую страницу Вконтакте; после второго – вступил в группы Синий кит и #f57, загрузил картинку в виде синего кита на аватарку, написал в статусе #ШКОЛА_ГАВНО и «я порезал себе вены...» на стене, однако в установлении связи с «куратором» не преуспел[29]. В петербургской школе пятиклассники нашли на парте рисунок с телефоном куратора и, дрожа от ужаса, звонили по нему. Ощущение опасности побуждает детей к дальнейшим разысканиям в сети, которые могут мотивироваться как желанием избавиться от страха, или же, наоборот, получить новый и сильный опыт переживания «страшного» (подробнее см. Главу II). Один из опрошенных нами детей, пятиклассник московской школы, узнал о «суицидальных пабликах» от учительницы на классном часе и испугался.

График 1. Этапы моральной паники по поводу «групп смерти» в СМИ

1000
800
600
400
200
0

06-04-15 06-05-15 06-06-15 06-07-15 06-08-15 06-09-15 06-10-15 06-11-15 06-12-15 06-01-16 06-02-16 06-03-16

Илл. 11. **Текст сообщения из рассылки 11 и 18 марта 2017 года**

Уважаемые родители и администрация учебных заведений!

Приказано довести до сведения родителей, что в **это воскресенье 19.03.2017** группа КИТ планирует провести акцию с массовыми самоубийствами (5000 человек).

Не рекомендуется в это воскресенье отпускать от себя ребенка - НИКУДА- даже в соседний подъезд, магазин, к другу и т.д.

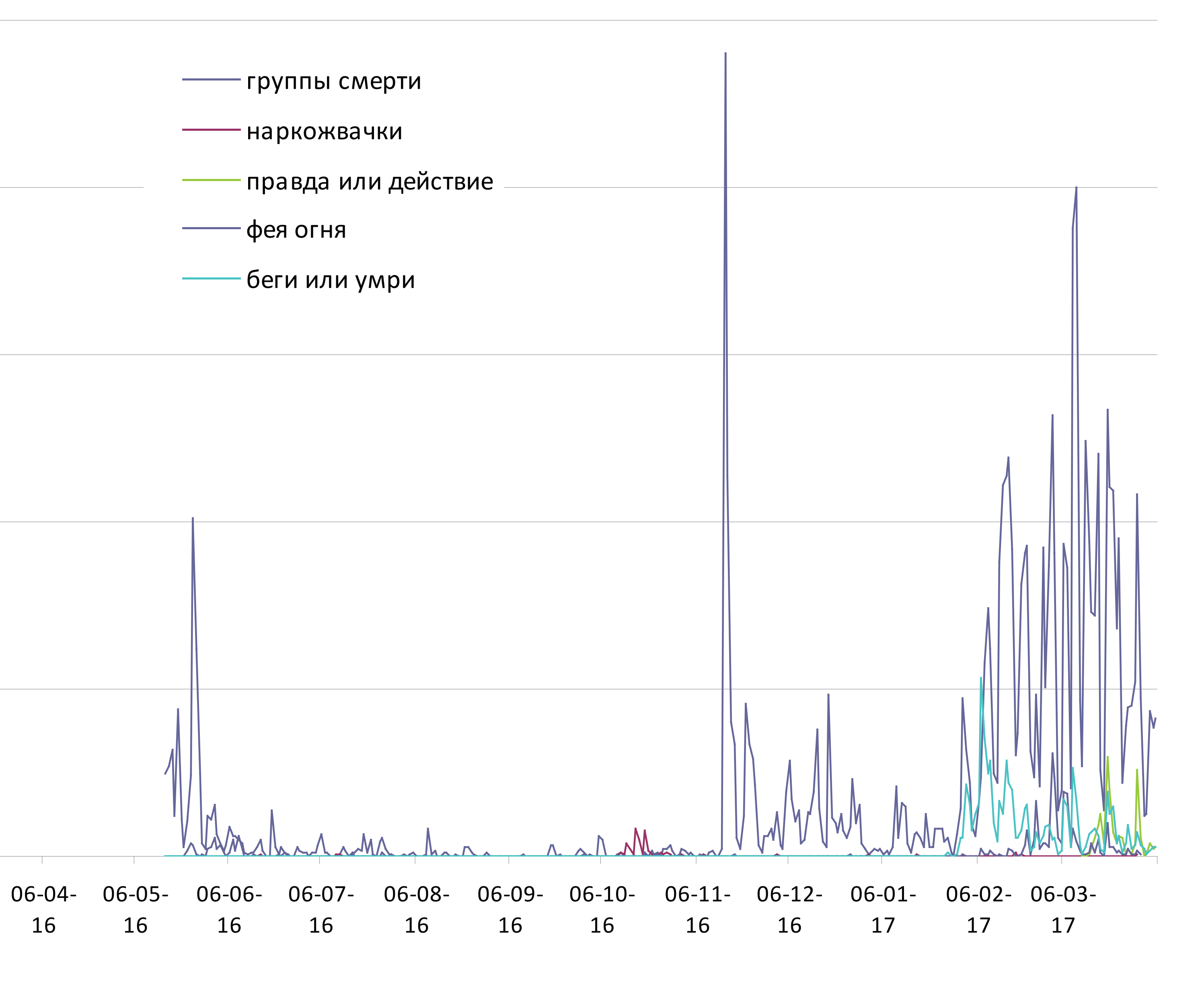
Полиция рекомендует родителям: в субботу и в воскресенье дети должны быть под присмотром, во многих городах страны планируется массовое самоубийство детей!

Предупредить всех родителей!

Чтобы избавиться от страха, он начал искать видео, где *над кураторами стебутся.*

Наращивание моральной паники. Подобные указания по «распознанию опасности» приводят к гиперсемиотизации – напуганные родители начинают видеть тревожные симптомы в совершенно обыденных вещах или же в символах, никак не связанных с тематикой суицида или опасных для детей вещей.

Именно в таком ключе один семейный психолог интерпретирует случай своей клиентки, дочь которой *дерзит, не контактирует, на все реагирует враждебно и крайне нервно* [то есть, отметим, демонстрирует довольно типичное подростковое поведение], *в школе сплошные двойки. Мама нашла у нее в телефоне странные, если не сказать «страшные» фотографии. Девочка нарисовала на стене черную свечу и красную розу...*[30] Психолог полагает, что свеча и роза могут также указывать на вовлеченность подростка в «группы смерти», как бабочки и киты.

Такое расширение области «опасных знаков», разумеется, только усиливает панику. Любой объект, который совпадает случайным образом с темами, которые упоминались в связи с «группами смерти», оказывается «под подозрением». На пике моральной паники словосочетание «синий кит» или картинка с изображением этого животного в не зависимости от контекста могут быть прочитаны как отсылки к «группам смерти». Например, А.К. крайне агрессивно среагировала на название образовательного приложения Google Play «Синий кит. Цифры», поскольку была уверена, что в этом словосочетании заключается угроза. Под подозрением у бдительных родителей оказалось множество игр и товаров, в том числе, блокноты «Уничтожь меня» («Wreck this journal»), созданные канадской художницей Керри Смит. В итоге родительские коллективы из разных регионов регулярно обращаются к властям с требованиями запретить или изъять из продажи тот или иной товар.

Публика начинает крайне нервно реагировать на любые ориентированные на подростков тексты с предложением игр и заданий, а также на любые слова, имеющие отношение к смерти. Результатом этого становится скандал, разгоревшийся вокруг промо-акции «Правда или действие», запущенной производителями жевательной резинки «Five». В рамках акции потребителями предлагалось купить жвачку, выбрать, в соответствии с правилами старой детской игры, «правду» или «действие», выполнить предложенное задание и выложить его в любую соцсеть с хэштегом #ПравдаИлиДействие. Задания с упоминанием «селфи на самой высокой точке» и предложением подумать, «что нужно успеть сделать перед смертью» потребители немедленно связали с «группами смерти»:

купила жвачки и увидела игру «правда или действие», в которой было написано «что нужно сделать перед смертью?» и задание «заберись на самую высокую точку в общественном месте и сделай селфи. Брось вызов друзьям!» Аналогия с «синим китом», который, на мой взгляд, нужно приравнять к терроризму, очевидна. <…> Прошу обратить внимание на этот маркетинговый ужас и изъять данную продукцию со всех прилавков страны!!! Не прошу. ТРЕБУЮ![31]

Такая ассоциация возникла не только у рядовых Интернет-пользователей, а также у журналистов и чиновников из Краснодарского края, которые распорядились немедленно изъять партии жвачки со всех складов и торговых точек[32]. Паника начала распространяться на другие регионы России.

Элементы игры «Правда или действие» («задания», слова «селфи» и «смерть») по ассоциативной цепочке «потянули» за собой структуру типичного алармистского нарратива: предлагая ребенку нечто соблазнительное, некие могущественные злодеи убивают «наших детей», в интересах своего «бизнеса». Жвачка, которая в сознании некоторых взрослых сохраняет дополнительные смыслы «молодежный» и «иностранный» (то есть, чужой и опасный) объект также легко увязывается с темами смерти.

В результате моральной паники «группы смерти» и «синий кит» оказались всеобщим пугалом. Такой образ оказывается востребован в случаях, когда необходимо, с одной стороны, рационализировать непонятное и/или девиантное поведение подростков, а с другой, показать, что они действовали в состоянии измененного сознания, под чьим-то влиянием: иными словами, явились жертвами, а не агентами.

Ярким примером описания новых событий через призму моральной паники стала реакция на действия «псковских Бонни и Клайда», которые уединились в загородном доме, совершили нападение на мать девушки, отстреливались от окружившей дом полиции, ведя при этом онлайн-трансляцию в Periscope, а затем совершили двойное самоубийство. В прессе после этого появляются сообщения о том, что подростки находились под влиянием «групп смерти». Несмотря на то, что никаких доказательств этого влияния не обнаружено, У. Скобейда в «Комсомольской правде» пишет:

Если посчитать, сколько раз за время трансляции Данила и Ксюша, в основном Ксюша, радостно твердят, что, «если менты взломают дверь, надо будет заряжать ствол и бабах», – «китовое» зомбирование становится если не очевидно, то вероятно[33].

Аналогичные построения возникают после митингов 26 марта 2017 года, на которые, по утверждениям ряда наблюдателей, вышло неожиданно большое количество школьников и студентов. Фреймирование протестующей молодежи как жертв начинается со слухов о том, что подростки были «обколоты наркотиками». Среди части Интернет-пользователей начинает распространяться рассказ от лица «друга», чей сын пошел на митинг, находясь под действием наркотиков и одновременно рассчитывая на вознаграждение со стороны Навального:

А потом, что-то пошло не так, как ему обещали... Дали попить чайку и... Пацана задержали, когда он пытался проколоть колёса полицейской машине...в околотке, куда его привезли, он блевал час без остановки, СКОРУЮ вызывать пришлось... чуть не загнулся от анафилактического шока... Откачали... Ничего не помнит...вплоть до того-как попал на Тверскую, а не в Смоленск к родителям...почему не поехал...[34]

Одновременно появляются фольклорные тексты, которые основаны на клише, порожденных медийным освещением «групп смерти». Это клише – «я твой куратор в игре Х» – активно бытует на протяжении последних двух месяцев. После того, как медиа обратили внимание на подростков на митинге, пустая валентность «Х» в нем начинает заполняться фразеологией, связанной с антикоррупционным протестом:

Здравствуй, дружок! Я твой куратор в игре «Зеленая рожа» и вот твое первое задание: забей на домашку и беги на митинг ФБК[35].

Чуть позже появляются тексты о том, что «группы смерти» были одной из методик «информационной манипуляции» сознанием подростков. Так, активист Николай Стариков сообщает:

Они [«группы смерти»] *с сатанинским упорством призывают подростков к суициду, в результате чего статистика самоубийств увеличилась сразу на 60%. Но если путём информационной манипуляции можно заставить молодого человека лишить себя жизни, то вывести ему подобных на несанкционированный митинг гораздо проще*[36].

В комментариях Интернет-пользователей к его же статье о том, как участники антикоррупционного митинга в Краснодаре столкнулись с проходящей на том же месте акцией против «групп смерти», эта идея выражена вполне эксплицитно, хотя и иронически:

- А никто не усматривает связи между группами «Синий кит» и тем, что больше половины участников акции Навального были подростки?

- Возможно, это и есть та самая акция синего кита на 5000 участников, о которой спамили в родительских группах некоторое время назад[37].

Наконец, 30 марта Виталий Милонов в интервью утверждает о прямой связи между «группами смерти», «суицидальной жевачкой» и митингами:

Это, безусловно, тонкая игра, которая началась достаточно давно, еще с появлением всех этих безумных игр — «Синий кит» и так далее, в этом же ряду и эта история со жвачкой, — отметил Виталий Милонов. — Инициатива всех этих игр тянется не из России, а в Россию. То есть мы видим, что сейчас запущена целая махина, дьявольские пиартехнологии работают на то, чтобы как можно большее число людей, в том числе совсем молодых, вышло поддержать того человека, который хочет беды в нашей стране. Безусловно, все это звенья одной цепи[38].

Итак, о связи между «группами смерти» и протестными движениями говорят и всерьез, и иронически. Расширение и политизация моральной паники приводит к тому, что перечень опасных для подростка тем в Интернет-среде увеличивается: возникает представление о том, что существуют технологии, способные не только вывести отдельного ребенка на крышу, но и вывести целые группы подростков на несанкционированный митинг.

Итак, в Главе III мы рассмотрели, как устроена моральная паника по поводу «групп смерти». А какие причины ее запустили в 2016-2017 годах?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КОНФЛИКТ РОДИТЕЛЕЙ С «DIGITAL NATIVES»: ПРИЧИНЫ МОРАЛЬНОЙ ПАНИКИ

В этой главе мы обсудим основные причины, которые способствовали как появлению моральной паники, так и ее развитию. Все они связаны с изменившимся характером взаимодействия между родителями, подростками и их отношению к Интернету.

«**Digital natives».** Главной причиной моральной паники стали изменения в характере взаимодействия детей и молодежи с Интернетом. В России проникновение Интернета в этой возрастной группе достигает 96%[39]. Взаимодействие подростков и молодых людей в Интернете оказывается весьма интенсивным: по результатам совместного исследования Ipsos и Google, четверть респондентов в возрасте от 13 до 24 лет проверяет информацию в социальных сетях через смартфон каждые 30 минут или чаще, а 27% респондентов этого возраста проводят в социальных сетях больше 5 часов в день[40].

Все они не просто привыкли взаимодействовать с этой средой с детства: многие родились в период бурного развития социальных сетей (середина 2000 – начало 2010-х гг.) и по определению ориентируются в них лучше своих родителей (по данным исследования, проведенного High-Tech.Mail.ru, 46% детей получают в руки планшет или смартфон в возрасте от 1 до 3 лет)[41]. Именно поэтому такое поколение называют «digital natives».

При этом, по данным Лаборатории Касперского, 58% детей от 8 до 16 лет скрывают от родителей некоторые из своих действий в сети, предпринимая для этого определенные дополнительные усилия: «Наиболее популярны следующие способы: выход в Сеть в отсутствие родителей дома (18%), установка на устройство пароля (16%), удаление истории посещений в браузере (10%). Кроме того, 22% детей применяют средства, которые позволяют им заходить в Сеть анонимно, а 14% — специальные программы, которые помогают скрыть используемые приложения»[42]. Более того, «поколение родителей» вынуждено осваивать в пространстве сети языки и практики, которые создают подростки – и которые для неподготовленного человека могут казаться довольно загадочными[43].

Результатом этого «дисбаланса знания» оказывается повышенная тревожность родителей: их дети с раннего возраста имеют возможность постоянно и практически бесконтрольно общаться в множественных онлайн-пространствах, правила и язык которого родителям понятны далеко не всегда.

Неподконтрольное пространство «групп смерти». Для родителей, представителей власти и СМИ основным направлением атаки оказывается неподконтрольный мобильный Интернет. Перед

нами ситуация, в которой «поколение десктопа» сталкивается с «поколением смартфона»: в отличие от привычной для родителей ситуации, когда они могут контролировать посещаемые детьми сайты – устанавливать пароли, системы parental control, просматривать историю посещений, ограничивать и контролировать время пользования Интернетом и проч. – в случае с мобильным Интернетом доступ к нему подростков не ограничен. Более того, они могут взаимодействовать в Интернете с другими в то время, когда не находятся под надзором родителей – в школе, ночью и т.п.

Выхожу с трясущимися руками и понимаю, что наши дети беззащитны! Вы их привезли-увезли, спокойно идёте по своим делам, а главная опасность постоянно с ними, в телефоне![44]

Время от времени каждый подросток говорит о том, что его никто не понимает, он никому не нужен. Как знать, куда приведут эти разговоры. А вдруг заставят однажды выйти в окно 7-го этажа, – делится переживаниями женщина. Елена признается, что периодически проверят дочкины страницы в соцсетях, заглядывает в ее телефон и пару раз ставила будильник на 4:20, чтобы проверить, спит ли ее девочка в это время[45].

Высокий уровень публичности Web 2.0 также вызывает беспокойство этой группы: учитывая интерес подростков к демонстративному поведению как средству поднятия своего статуса в группе сверстников и склонность ориентировать свое поведение на принятое в их группе, «взрослые» опасаются того, что Интернет становится площадкой демонстрации суицида.

Несмотря на то, что представители государственных органов постоянно высказываются о мерах, принимаемых для решения проблемы, среди родителей развивается представление о том, что «полиция ничего не будет делать»; спасение детей оказывается задачей волонтеров и самих родителей.

Почему силовикам было наплевать на смерть ребенка, и для них важнее были выходные? Почему мы, волонтеры, смогли получить помощь только от таких же волонтеров, но не от государства ни в каком виде? Почему в России нет киберполиции, способной за минуту установить местонахождение ребенка в отчаянной ситуации по аккаунту в соцсети?

Для детей же и подростков некоторый сегмент Интернета (в данном случае, социальных сетей) оказывается неподнадзорной «территорий свободы». В физическом пространстве города такие территории – это дворы, спортивные сооружения, но также и периферия благоустроенной среды (куда подростки вытесняются из общественных пространств тем чаще, чем сложнее социально-экономическая ситуация в городе): крыши, пустыри, неблагоустроенные зеленые зоны, заброшенные строения, стройки. «Опасные» группы в социальных сетях, по сути, выступают такими же неподнадзорными пространствами, неблагоустроенными и небезопасными, где подростки могут играть в «казаки-разбойники» как с представителями мира взрослых, пытающихся установить контроль над этим пространством, так и с предполагаемыми «агентами страшного» – «кураторами», «педофилами», «наркодилерами» и т.п.

Апелляция к образам «второго уровня Интернета» («темного» или «глубокого» Интернета) не случайна (см. Главу II). Это пространство, которое описывается в официальных медиа как угрожающее и опасное, в отличие от контролируемого Интернета, для его пользователей выступает в качестве среды креативности, свободы от контроля[46], где можно выступать не только потребителем, но и производителем неконтролируемого контента, свободно обсуждать самые острые темы. В случае «групп смерти» мы видим, как этика и эстетика «темного веба» перемещается в социальные сети. Последние, за счет своей распределенности и некоторой возможности анонимности, оказываются игровой имитацией «темного веба».

Попытки силой прекратить эту активность стимулируют развитие и миграцию практики – на месте сотен закрытых групп Вконтакте появляются тысячи новых. Возникает своего рода игра в «казаки-разбойники»: государственные службы, правоохранительные органы, многочисленные волонтерские группы (кибердружины, «МедиаГвардия», «Лига безопасного Интернета» и прочие) выслеживают и закрывают «группы смерти», а играющие с тем же азартом создают новые и новые площадки для игр, воссоздавая пространство свободы.

Новое открытие подростка. Начиная с зимы 2015-2016 гг., в медиа появляется целый ряд молодых людей и подростков-ньюсмейкеров (Руслан Соколовский, арестованный за ловлю покемонов в храме, Филипп Лис и Море Китов, псковские «Бонни и Клайд» Муравьев и Власова, Диана Шурыгина) которые впервые за длительное время оказываются не только жертвами, но и акторами, самостоятельно выступающими в медиа, в том числе, официальных. Они имеют собственный голос, выступая через онлайн- или оффлайн-СМИ.

С одной стороны, это свидетельство того, что постепенно закрывается разрыв между официальными медиа и Web 2.0 – уже в течение длительного времени можно наблюдать, как вернакулярная реакция в вебе на медийные события становится новостным поводом. Однако знаменитости (celebrities) веба, особенно молодые, до сих пор слабо пересекались с пулом знаменитостей официальных медиа. Сейчас же веб становится поставщиком знаменитостей для официальных СМИ: ведение «групп смерти» Будейкиным, ведение трансляции противостояния с полицией в «Перископе»

Муравьевым и Власовой и т.п. становятся предметом обсуждения «взрослых» СМИ.

С другой, как представляется, мы наблюдаем тренд растущего интереса к подросткам в целом. Еще одним симптомом этого процесса стало сначала «дело брянских школьников» в связи с кампанией Навального, затем – массовый выход несовершеннолетних на антикоррупционные митинги, выступление на одном из них пятиклассника (в предыдущие периоды подростки на политических акциях описывались либо как «дети», пришедшие с родителями или по их разрешению, либо как «молодые взрослые» – студенты). Вместе с тем, в последних двух кейсах имеется существенное отличие от предыдущих сюжетов о любви, смерти и насилии (как в случае с «псковскими Бонни и Клайдом» и Дианой Шурыгиной) – в них подростки не выступают как отдельные личности, а лишь как представители группы.

«Конфликт объективации». Возникает конфликт между традиционным представлением о подростках и зарождающимся представлением о подростках как об самостоятельных агентах со возможностью собственного волеизъявления. Тексты моральной паники ориентируются на традиционную модель, где:

а) объектом атаки (жертвой) является ребенок или подросток – человек, не обладающий полнотой дееспособности, не имеющий собственного голоса, беззащитный. Подростку в этой схеме отказывается в субъектности, способности анализировать ситуацию, формировать свою стратегию поведения. Именно на этом основаны многочисленные тексты о том, что дети/подростки подверглись манипуляции, гипнозу, находились под действием наркотиков.

б) Жертва атакуется при помощи неподконтрольного объекта или средства. В случае с суицидальными сообществами и политической мобилизацией таким средством оказывается Интернет. В предыдущих моральных паниках – наркотическая жевачка, которая также неподконтрольна: между ее распространителями и жертвами воздействия нет контролирующей инстанции – ответственного взрослого.

в) Непосредственным субъектом воздействия является «чужой». В этом смысле медийные волны паники по поводу «групп смерти» заметно отличаются друг от друга. В первых двух волнах этим чужим оказывается такой же подросток. Перевод (транспонирование) ситуации из режима «заговор против детей» в «детская игра» несколько снижает накал страстей. Последняя, собственно паническая, волна оказывается совсем иной – в ней актуализируется фигура «злонамеренного взрослого» (уже присутствовавшая в публикации Мурсалиевой), который желает гибели детям и может довести их до самоубийства.

г) При этом за «своим чужим» (злонамеренным агентом, говорящим на одном языке с подростком и существующим с ним в одном пространстве) в этой модели может стоять еще один тип «чужого» – зарубежные спецслужбы, которые спонсируют «своего чужого», выполняя его руками свою задачу.

Эта модель объяснения ситуации весьма устойчива. В 1930-х гг. таким образом описывали «кулаков» и религиозников, в 1950-60-х гг. она применялась для стигматизации альтернативных христианских групп – прежде всего, пятидесятников.

В свою очередь, дети и подростки активно протестуют против объективации: они высказываются о том, что способны критически относиться к потребляемым ими материалам, и, в отличие от родителей, правильно оценивают игровой контекст.

Иными словами, мы имеем дело с ситуацией, где одна сторона предпринимает попытки игрового выхода из-под контроля «власти» для организации «пространства свободы» и демонстрации своей дееспособности, а вторая стремится к восстановлению этого контроля, или или хотя бы его иллюзии. Именно поэтому на вопрос интервьютера группы МАФ на митинге 26 марта в Вологде – что школьники думают о «группах смерти» – подростки ответили, что это *несерьезно*, что всё это придумано специально, чтобы дискредитировать Интернет и чтобы родители имели возможность запретить пользоваться Интернетом или ругать за это.

Примечания

1 Мурсалиева Г.Группы смерти (18+) // Новая газета, 16 мая 2016 г. https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18

2 История с подкидыванием кураторами «шифров» и просьбой расшифровать их приведена, например, в следующем источнике: http://novostibishkeka.ru/index.php?/topic/54591-ya-vyishla-iz-igryi-kak-zhurnalist-vyipolnyala-zadaniya-sinego-kita/

3 Тодоров В. «Я, наоборот, всеми силами отговаривал их от самоубийства». Кто стоит за детскими суицидами и «группами смерти» во «ВКонтакте» // Лента.ру, 17 мая 2016 г. https://lenta.ru/articles/2016/05/17/suicidetrue/

4 http://vladnews.ru/2017/01/31/121182/nedetskie-igry-kak-morekitov-vershit-sudby-podrostkov.html

5 Поддержание таких сообществ возможно за счет централизованных или сетевых медиа. Медиа, как показывает анализ Дж. Александера, способны играть ключевую роль в сплачивающих или трансформирующих ритуалах, которые уже не требуют, как в классическом примере Дюркгейма, телесного соприсутствия членов сообщества. Телевидение, как в Уотергейтском скандале, или социальные сети, как в Египетской революции, способны взять на себя роль сплачивающего посредника (Джеффри Александер. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013).

6 Левкиевская Е. Детские страшные рассказы в коммуникативном аспекте // Детский фольклор в контексте взрослой культуры. СПб.: Издательство СПбГУКИ, 2010. 48–70

Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали…» (Игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., прим., библ. указатель В. Ф. Шевченко. — М.: «Лабиринт», 2002. — 224 с.

7 Осорина М. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых: научное издание,. — СПб. : Речь, 2004. – 276 с

8 Cohen, S.1972/1980. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and the Rockers. Oxford: Basil Blackwell; Cohen, S. and Young, J. (eds) 1973 The Manufacture of the News: Deviance, Social Problems and the Mass Media, London: Constable.

9 Goode, Erich, and Nachman Ben-Yehuda. “Moral Panics: Culture, Politics, and Social Construction.” Annual Review of Sociology, vol. 20, 1994, pp. 149–171

10 Critcher, C. (2008), Moral Panic Analysis: Past, Present and Future. Sociology Compass, 2: 1127–1144

11 McRobbie, Angela, and Sarah L. Thornton. “Rethinking ‘Moral Panic’ for Multi-Mediated Social Worlds.” The British Journal of Sociology, vol. 46, no. 4, 1995, pp. 559–574

12 Benjamin Cornwell & Annulla Linders (2002) the myth of «moral panic»: an alternative account of LSD prohibition, Deviant Behavior, 23:4, 307-330

13 Watney, S. 1987 Policing Desire: Pornography, AIDS and the media. London: Methuen.

14 Thompson K. Moral Panics. London, NY: Routledge. 1998

15 Новое поколение выбирает смерть // АиФ. 24.09.2001.

16 Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая газета. 16.05.2016. https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18

17 Следователи полагают, что «игра» в соцсети вынудила 11-летнюю школьницу покончить с собой // РЕН-ТВ. 18.05.2016. http://ren.tv/novosti/2016-05-18/sledovateli-polagayut-chto-igra-v-socseti-vynudila-11-letnyuyu-shkolnicu

18 Панченко А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. с. 156.

19 Ахметова М. Ожидание конца света в религиозных субкультурах постсоветской России // Современная российская мифология. М., 2005. с. 215-217.

20 Спасение детей от киберпреступлений // Следственное управление СК РФ по Иркутской области (сайт).

21 Менеджер «Мегафона» уличил в создании «групп смерти» украинских националистов // Газета.ru. 16.02.2017.

22 Плетнёва предлагает ввести звание «образцовая семья» // Парламентская газета. 6.03.2017. https://www.pnp.ru/politics/2017/03/06/pletnyova-predlagaet-vvesti-zvanie-obrazcovaya-semya.html

23 Кубанский губернатор: https://twitter.com/kondratyevvi/status/799216031348555776

24 http://izvestia.ru/news/676136

25 http://www.kommersant.ru/doc/3236648

26 http://therussiantimes.com/news/186065.html

27 За запись этого сюжета благодарим Ольгу Христофорову.

28 За запись этого сюжета благодарим Ольгу Христофорову.

29 Группа МАФ благодарит Никиту Петрову за это наблюдение.

30 Дети-самоубийцы. Пока дом не грянул // Live Journal. anna_gaikalova. 5.03.2017. http://anna-gaikalova.livejournal.com/679639.html

31 https://www.facebook.com/anton.smertin/posts/1810509288975151?comment_id=1811141025578644&notif_t=comment_mention&notif_id=1489810442447696

32 http://tass.ru/proisshestviya/4105874

33 http://www.kp.ru/daily/26615/3633061/

34 Коротков И. Что за чаёк заваривают у Навального? // https://cont.ws/@ingvar100/568049

35 https://twitter.com/ajbolit_limpopo/status/845906417127227392

36 https://cont.ws/@petrovserg/575226

37 https://nstarikov.ru/club/76882

38 https://riafan.ru/689543-milonov-cuicidalnaya-zhvachka-i-kedy-navalnogo-zvenya-odnoi-cepi

39 https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Internet_Usage_Russia_2016.pdf

40 Чем живет новое поколение: статистика о российской молодежи. Ipsos Cultural Insights Network. URL: https://storage.googleapis.com/think-v2.../c2333_RU_youth.pdf

41 https://hi-tech.mail.ru/news/children-with-tech/

42 http://www.kaspersky.ru/about/news/virus/2016/actions-of-children-on-the-Web

43 См. напр.: Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность детей и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.

44 https://www.instagram.com/p/BRQIjmthbF2/

45 http://tvplus.dn.ua/news/11/full/3318/

46 Gehl, Robert G. Power/freedom on the dark web: A digital ethnography of the Dark Web Social Network // new media & society 2016, Vol. 18(7) 1219–1235

В оформлении обложки использован кадр из сериала «Ловушка для китов» детской Свердловской киностудии, 2017 г.

Работа выполнена в рамках НИР «Современный город в актуальных речевых жанрах, спонтанных практиках и локальных самоназваниях» Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Александра (руководитель проекта), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория теоретической фольклористики, ШАГИ, Институт общественных наук РАНХиГС

Волкова Мария, научный сотрудник, Лаборатория теоретической фольклористики, ШАГИ, Институт общественных наук РАНХиГС

Кирзюк Анна, научный сотрудник, Лаборатория теоретической фольклористики, ШАГИ, Институт общественных наук РАНХиГС

Малая Елена, аспирант Центра типологии и семиотики РГГУ

Радченко Дарья, кандидат культурологии, старший научный сотрудник, Лаборатория теоретической фольклористики, ШАГИ, Институт общественных наук РАНХиГС

Югай Елена, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Московской высшей школы экономических и социальных наук, стипендиат Карамзинской стипендии

Дизайн и верстка: *Вадим Лурье*

Отпечатано в типографии РАНХиГС 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Исследовательская группа
«Мониторинг актуального фольклора»